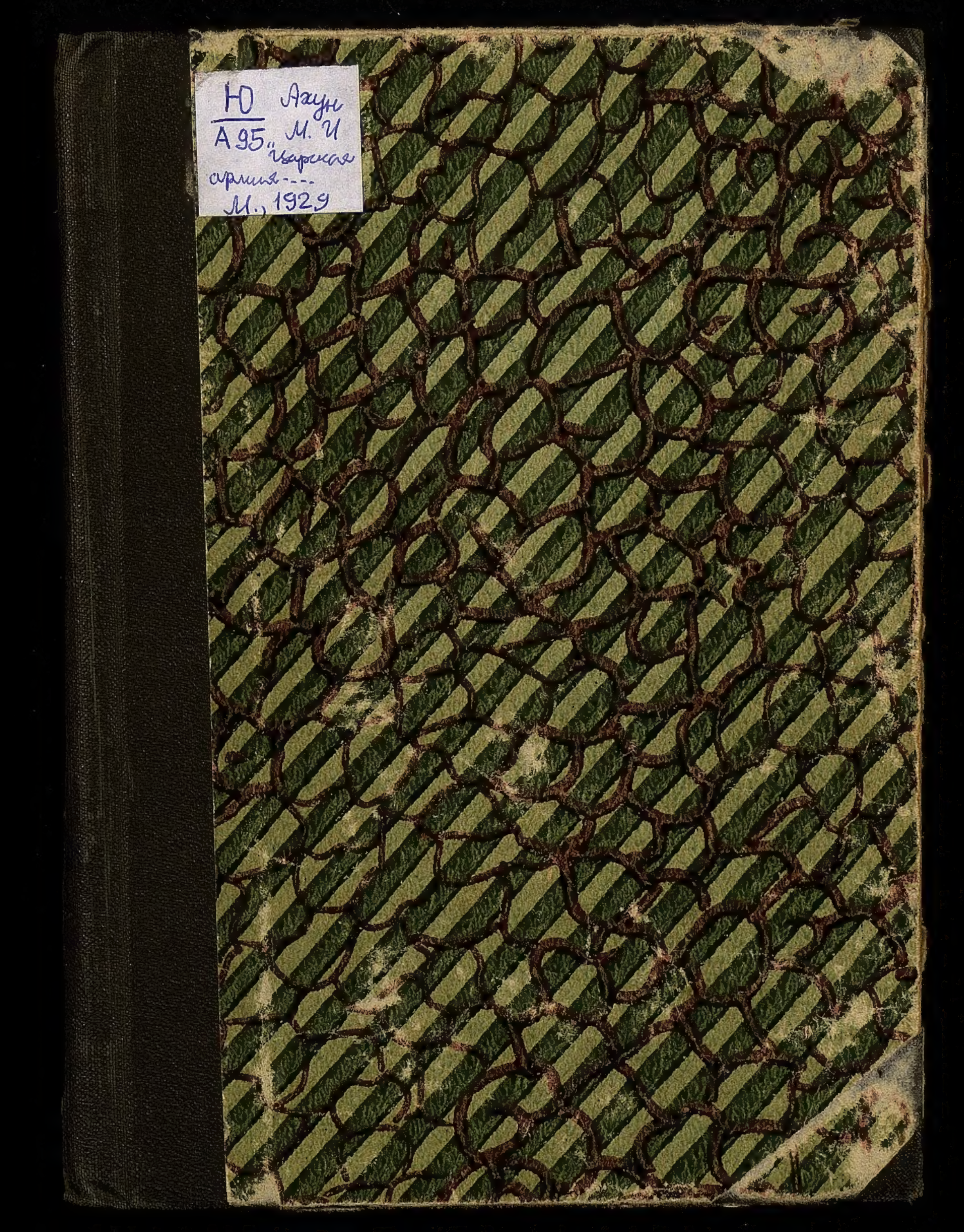
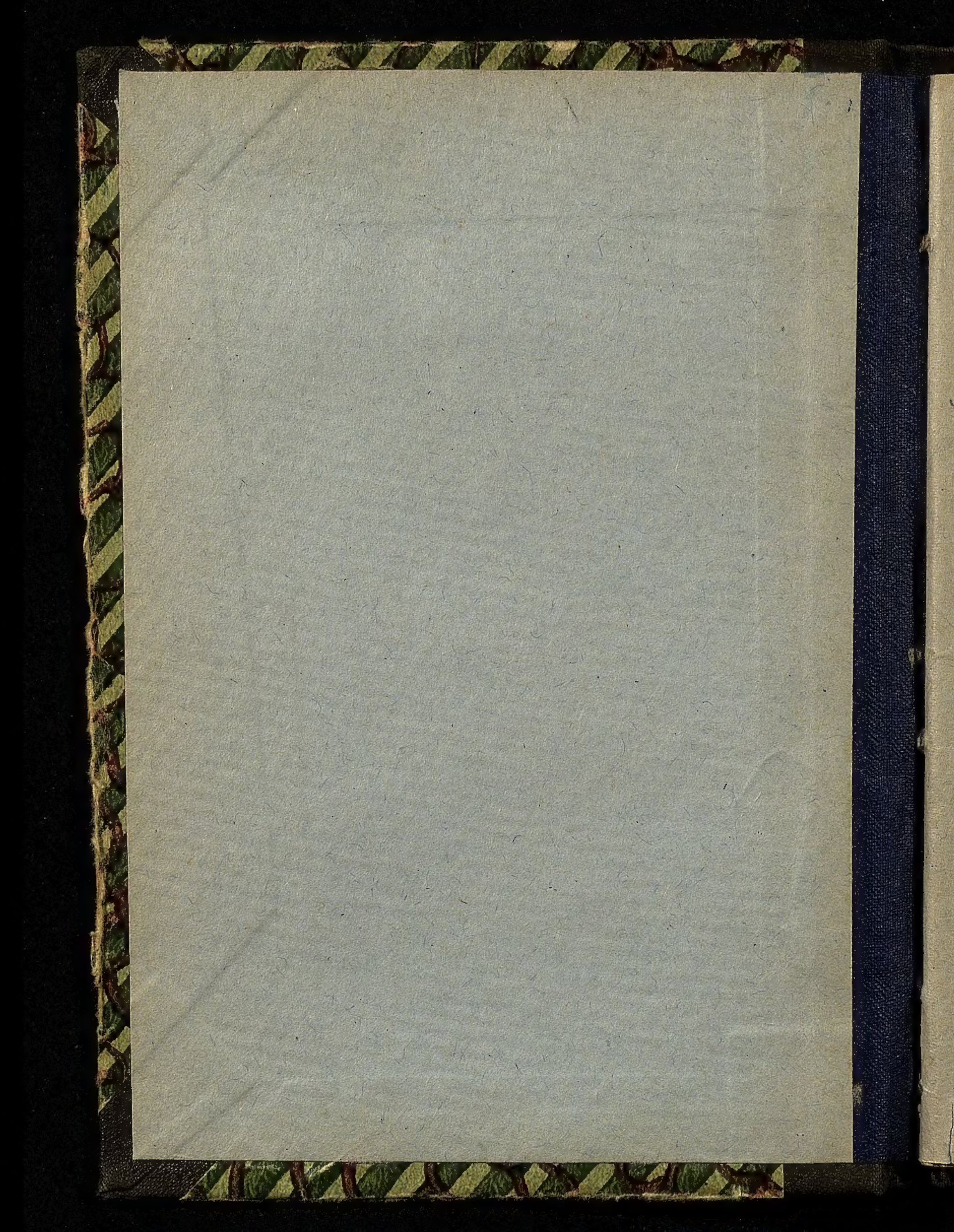
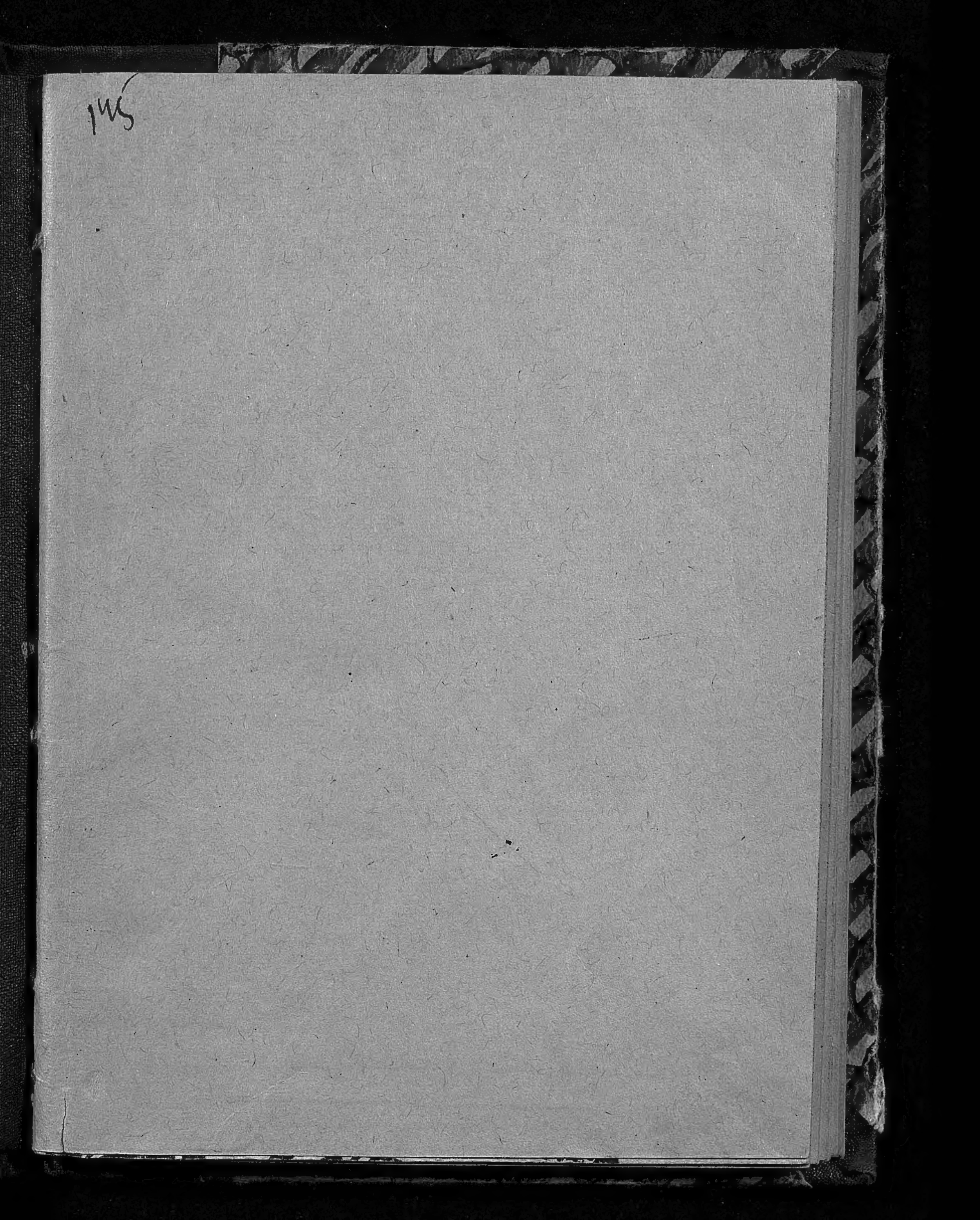
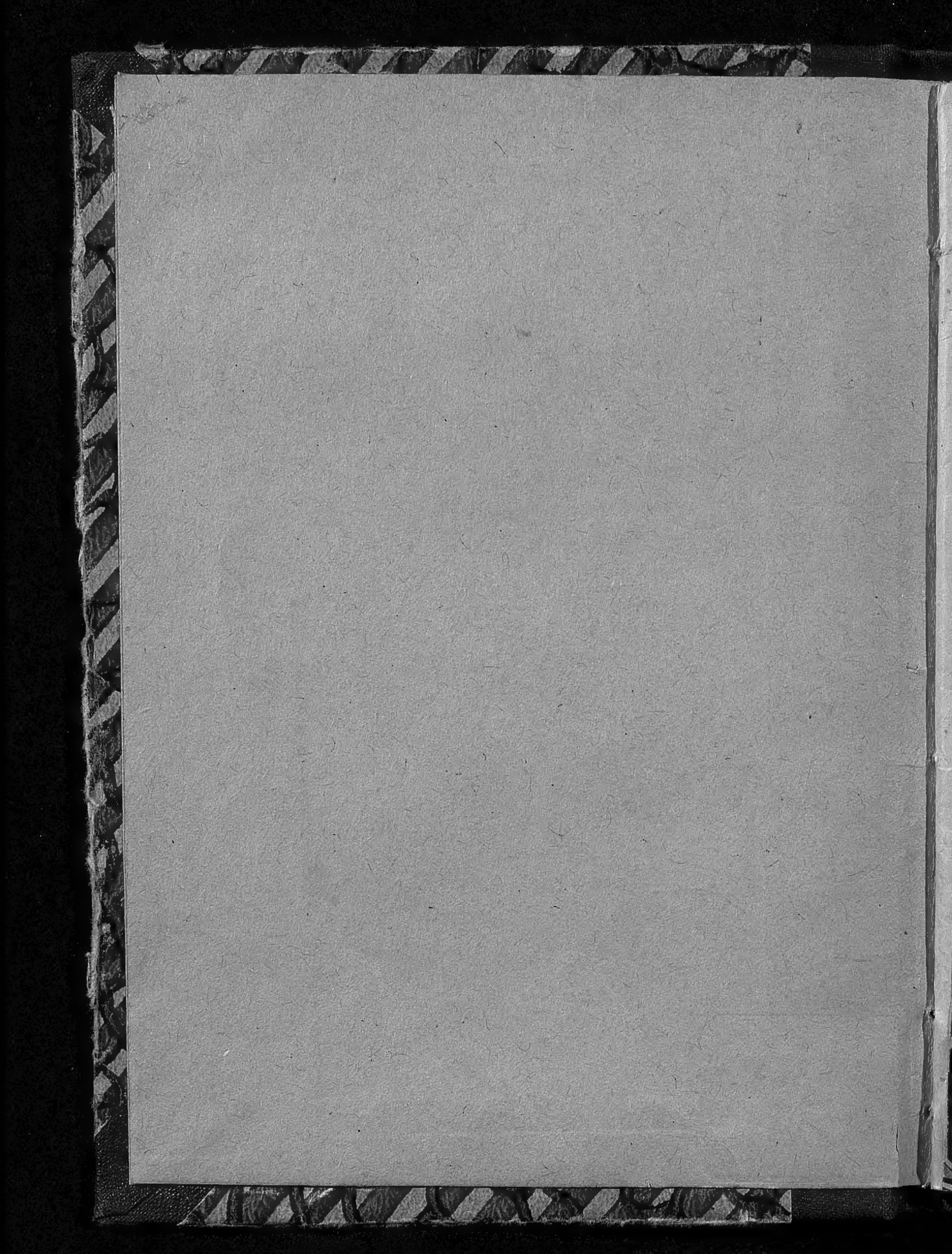

Ю
А95
Ахун
М. И
„Царская
армия---
М., 1929

145

А 95

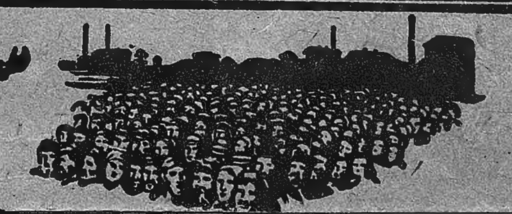
УЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

М. И. АХУН и В. А. ПЕТРОВ

ЦАРСКАЯ АРМИЯ В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Д-ВО ПОЛИТКАТОРЖАН МОСКВА

152870

Ю
А 95

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ОЧЕРКАХ, ВОСПОМИНАНИЯХ И БИОГРАФИЯХ

1929 г. № 13

М. И. АХУН и В. А. ПЕТРОВ

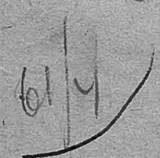
355 (47)

ЦАРСКАЯ АРМИЯ В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР

152870/16

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва — 1929

ДОЛЖНА БЫТЬ

Издательство просит всех читателей сообщить свое мнение, указав достоинства и недостатки настоящей книжки, по адресу: Москва — 34, Лопухинский пер., д. 5

ИЗДАТЕЛЬСТВУ ПОЛИТКАТОРЖАН

ПАСПОРТ
№ тома
Список № порядковый №
152870
Ю / Д95
61/4

Главлит А 52506 Зак. № 1789
Книжная ф-ка Центрального Изд-ва Народов СССР. Москва, Шл

ОТ АВТОРОВ

Авторы предлагаемого очерка ставят себе задачей дать, главным образом, документально проверенную характеристику солдатских настроений, нашедших свое выражение в разговорах, зафиксированных в документах, в подлинных солдатских письмах и, наконец, в военных восстаниях, прокатившихся широкой волной по армиям фронта в конце 1916 и в январе 1917 года.

Фактический материал, зарегистрированный в настоящей работе, ни в коей мере не претендует на какую-либо полноту, которую вряд ли удастся когда-либо достигнуть; вследствие состояния наших архивов, потерявших «огромное количество дел за время войны и революции». (Е. И. Мартынов. «Царская армия в февральском перевороте»).

Другие же источники, например, современные газеты и журналы, давая обширный материал для 1905—1907 гг. и 1917 г., решительно ничего не говорят об армейском движении в 1914—1916 гг., когда под страхом сурового наказания запрещалось сообщать в печати «различные сведения о боевой жизни, о войсковом довольствии и о состоянии воинского духа в частях».

Однако индивидуальное изучение отдельных форм протеста, направленного против войны, правительства и существовавшего армейского быта, при сопоставлении с документами обобщающего характера (сводки департамента полиции, военно-цензурных отделений штабов, руководящие приказы по армиям, корпусам и т. д., военно-статистические материалы и т. п.) позволяют представить весьма ясную картину состояния армии накануне февральской революции.

Считаем нужным отметить, что существующие в исторической литературе указания по интересующему нас вопросу крайне скудны. Исследователи, давая четкий и точный анализ разложения армии, оперируют с небольшим фактическим материалом (указания обыкновенно ограничиваются ссылками на выступление 181 пехотного полка в Петрограде и восстание Сибирских стрелков на северном фронте), не подвергая рассмотрению отдельные случаи проявления революционного настроения в армейских частях, между тем как именно этот материал вскрывает классовую природу выступлений и дает возможность судить о подлинных мыслях и чувствах солдата в эпоху империалистической войны.

Авторы настоящего очерка, помимо литературы, указанной в конце книги, и неизданных рукописных источников, использовали подготовленную к печати статью А. П. Чулошникова «Продовольственное положение фронта накануне февральской революции», предоставленную автором.

I.

Армия на войне. — Мобилизация. — Отношение к войне.

«Верю в бога и армию, они нас не покинут», писала царю последняя императрица. Только силой штыков послушного войска и мог рассчитывать царь удержать власть в своих руках. Поэтому переход армии на сторону революции в феврале 1917 года был тяжелым ударом для царизма.

Армия, призванная защищать буржуазно-помещичий строй от «врагов внешних и внутренних», состояла в массе своей из рабочих и крестьян, по существу враждебных господствующим классам. Все усилия этих классов были направлены к тому, чтобы сделать армию слепым орудием в их руках. Специальный подбор командного состава, тесно связанного с господствующими классами, суровая дисциплина, допускавшая полный произвол начальства, близкий к тюремному казарменный режим, наконец, специальная система воспитания солдат — все это должно было сделать из них нерассуждающую, слепо повинующуюся начальству массу.

Обстановка войны всегда создавала почву, благоприятную для разложения армии. На войне с гораздо большим трудом переносились тяготы солдатской жизни, ярче чувствовалась несправедливость начальства, больше представлялось поводов для критического отношения к нему, не говоря уже о естественных материальных лишениях походной жизни, в особенности при поражениях и отступлениях армии; наконец, правительственная обработка армии в обстановке войны естественно ослабевала[1]. К сожалению, все эти настроения армии в эпоху войны мало отражаются в материалах, сохранившихся от отдельных войн. Ни в официальных реляциях, ни в мемуарах лиц, принадлежащих к командному составу, ни, конечно, в современных газетных статьях мы этого не находим. Тем ценнее немногие документы, которые сохранили нам эти настроения. К числу таких документов относится, например, «Разговоры, бывшие между двух российских солдат, случившихся на галерном флоте в кампании 1743 года»[2] — памфлет, направленный против господства немцев в русской армии. Тут мы находим и жалобы на нераспорядительность начальства, не умеющего обеспечить солдат необходимым про-

---

[1] Любопытно сопоставить с этим мнение, высказанное в. кн. Михаилом Павловичем о том, что воевать не следует, так как „война портит войско".

[2] Чтения М. Общ. Истор. и Древн. 1862 г., кн. I, стр. 150—166.

довольствием, и возмущение бессмысленной муштрой и т. д. Дошли до нас также материалы о пораженческом настроении в эпоху «отечественной войны 1812 года» [1]. Некоторые данные можно почерпнуть в «Статистическом очерке военно-судной части во время войны 1877—1878 гг.» [2].

Однако только после революции, когда архивы военно-судебных учреждений сделались доступными исследователям, становится возможным подробно изучить процесс разложения армии во время войны. Если обычно война, в особенности продолжительная и не победоносная, создает условия, благоприятные для разложения армии, то в особенности это можно сказать о войне 1914 года, происходившей в крайне сложной экономической и политической обстановке. Война, в которую царское самодержавие втянуто было под давлением англо-французского капитала и русской империалистической буржуазии, происходила в условиях обострения классовой борьбы. Соперничество буржуазии с феодально-помещичьим самодержавием, стоявшим на пути капиталистического развития России, бурный рост рабочего движения, аграрные волнения в связи с столыпинской реформой — все это на ряду с тяжелым хо-

---

[1] Статья М. К. Соколовского в журнале „Вестник общества ревнителей истории“, в. I.

[2] Н. Максимов. „Статистический очерк военно-судной части во время войны 1877—1878 на Балканском полуострове“, ч. II. СПБ. 1880, стр. 59.

зяйственным кризисом, конечно, делало особенно сложной обстановку, при которой Россия вступила в войну. Для некоторых представителей буржуазии первоначально представлялось, что война должна была способствовать разряжению атмосферы. «Значительную перемену внесла во внутреннюю нашу жизнь война»,—говорил А. И. Гучков в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Врем. Правительства в 1917 г. «Тот общественный подъем, тот национальный характер, который приняла тогда война, сознание опасности для государства,—все это чрезвычайно очистило внутреннюю атмосферу и заставило русское общество, если не в полном объеме, то по крайней мере в значительных его элементах, оставить все внутренние вопросы в стороне и сосредоточить их на одном усилии, на усилии к победе. Если бы война пошла удачно, это, вероятно, повело бы к значительному очищению атмосферы».

Гораздо более трезво оценивали положение вещей некоторые представители консервативного лагеря. В любопытной записке, составленной бывшим министром внутренних дел П. Н. Дурново в феврале 1914 года, когда уже вполне очевидна была неминуемая война, отмечается полная неподготовленность России к войне и неизбежность революционного движения социалистического характера. Между прочим Дурново прямо говорит: «Побежденная армия, лишившаяся к тому же за время войны надежного кадрового своего соста-

ва, в большей ее части охваченная стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка».

Упомянутая выше в словах Гучкова оценка войны, как национального движения, охватившего все русское общество, — это обычный мотив, который встречается во всей современной прессе, так как за исключением нелегальных изданий большевиков, единственно активно выступавших против войны, вся печать была охвачена шовинистическим угаром.

С большим удовлетворением отмечает официальный обозреватель, что на состоявшемся 26 июля соединенном заседании Государственного Совета и Государственной Думы «все, не исключая врагов порядка в мирное время, г.г. социалистов, объединились в эту минуту всеобщей опасности в одном чувстве для защиты родины во что бы то ни стало»[1].

Действительно, начало войны ознаменовалось укреплением оппортунистической позиции меньшевиков и эсеров, основной базой которых являлась мелкобуржуазная интеллигенция, воспринимавшая лозунг борьбы с германским империализмом, выдвигаемый буржуазией. «Национальные» задачи последней совершенно ясны хотя бы из тех про-

---

[1] „Летопись войны 1914 г.", в I. стр. 23. Журнал, издававшийся „историографом ставки" генералом Д. Н. Дубенским.

граммных статей, которые публиковались лидером кадетской партии П. Н. Милюковым[1].

Каково же было отношение к войне широких народных масс, которым предстояло нести всю ее тяжесть?

Уже цитированный нами выше официальный обозреватель так описывает дни мобилизации:

«Энтузиазму русского народа не было конца. Как будто наступил великий светлый праздник. Вся Русь от края и до края жива теперь одними мыслями и чувствами. В разных местах столицы коленопреклоненное население пело слова молитв и отечественный гимн. Многие со слезами радости, как священную реликвию, целовали слова высочайшего манифеста о 2-ой отечественной войне.

Любо было смотреть и на лихих молодцов, русских орлов, призванных из запаса с разных концов России к своим частям. Лихо заломивши

---

[1] „Территориальные приобретения России", стр. 49—62 в сборнике „Чего ждет Россия от войны". К-во „Прометей" И. Н. Михайлова. Приведем несколько примеров того, как понимался „народный" характер войны. „Народ готов работать над защитой родины и с радостью будет копать каждую пядь русской земли, чтобы закрыть ее непроходимой полосой укреплений, как сделали это наши союзники французы у себя на родине". (Из доклада военно-морской думской комиссии).

„Здесь я могу судить правильно об истинном настроении среди разных классов народа: все должно быть сделано, чтобы довести войну до победного конца; и никаких сомнений на этот счет не высказывается..." (Из письма Николая II).

„Русский народ должен знать, за что он льет свою кровь", говорил Трепов на заседании Государственной Думы в ноябре 1916 года, сообщая о заключенном в 1915 году соглашении с союзниками, устанавливающем право России на проливы и Константинополь.

шапки, группами идут они по улицам. Сзади тянутся провожающие их жены с грудными ребятами, но без слез; а они, голубчики, подхватили боевую солдатскую песню и готовы итти хоть на край света, лишь бы пустили их «бить немца». Ни тени печали на лице, ни слез на ресницах. Русский солдат умеет быть послушным воле божией и своему царю, знает и умеет, как и когда отстоять Россию. За все дни мобилизации Россия была в буквальном смысле слова трезвою. Все, где можно найти хоть бутылку водки или вина, было закрыто»...

Приведенные фразы, конечно, слишком грубое изображение патриотического настроения «народных масс». Но примерно такую же картину рисовала вся буржуазная пресса.

Совершенно иначе рисуется мобилизация в секретных документах штаба отдельного корпуса жандармов и департамента полиции. Приведем несколько таких документов.

«18/VII на сборном пункте при управлении воинского начальника явился неподлежащий призыву местный союзник Кузьма Мартынов с флагом, речью своей возбудил неудовольствие толпы призывников, в числе которых были в пьяном виде. Толпа бросилась на Мартынова и вступившегося за него околоточного надзирателя, а затем стала теснить наряд полиции и стражников. Наряд по распоряжению пристава Жилы открыл стрельбу. Убит солдат — артиллерист действительной службы, подобрано двое тяжело раненых — жен-

щина и мужчина. Наблюдается сильное возбуждение против полиции, и производится следствие»... (Телеграмма из Екатеринослава).

«20/VII в Вольске запасные разбили окна полицейского управления, 2 винных лавки и оружейный магазин. Помощник пристава ранен пулей из толпы, избиты камнями пристав и 4 городовых, ответными выстрелами полиции ранено 2 из толпы».

«20/VII запасные, возбужденные толпой, потребовали приема на военную службу стражников. Неудовлетворенные отказом, напали на полицию, отбиты залпом. Ранено 3 запасных, контужен запасный офицер и помощник пристава» (Самара).

В Ново-Николаевске из толпы пьяных запасных около 1.000 чел. раздались крики недовольства порядками призыва и был выкинут красный флаг, который толпою тут же затоптан. Затем произвели разгром двух винных лавок, одну из них подожгли. Запасный, выкинувший красный флаг, арестован».

«22/VII, ст. Прохладная, Владикавказской ж. д. Запасные нижние чины поезда Н. 114 около 1.000 чел. разнесли буфет. Ушибли жандарма Кривченко».

«На ст. Беслан арестовано 12 нижних чинов; из них два главных агитатора, оказавших сопротивление аресту и призывавших других к сопротивлению, переданы воинскому начальнику для предания военному суду».

«23/VII. В Ставрополе разгромлена 1 винная лавка, ренсковый погреб прибывшими из волостей пьяными запасными. Раздражающе подействовало повышение цены хлеба до 8 коп. фунт. В столкновении стражниками убито двое, среди стражников один ранен в глаз; камнем несколько ушиблено».

Сохранился целый ряд известий даже о прямых революционных выступлениях рабочих против войны. Об этом говорят авторы некоторых воспоминаний (А. Г. Шляпников, В. Н. Каюров, Т. К. Кондратьев и другие), а также донесения полицейских властей. Так, петербургский градоначальник сообщал, что 19 июля в связи с мобилизацией возникла забастовка, сопровождавшаяся демонстративным выступлением рабочих, которые, увидев партию запасных, встретили их криком «долой войну». Демонстрация сопровождалась нападением на полицейских, конвоировавших запасных.

Не следует, однако, преувеличивать значение этих фактов. Они, конечно, показывают, что действительное отношение к войне было совершенно не похоже на то, которое рисовала буржуазная пресса. Но резкие антивоенные выступления тоже были исключением. На ряду с фактами антивоенных демонстраций источники отмечают случаи участия рабочих в патриотических манифестациях. Шовинистический угар в первые месяцы войны охватил некоторые группы рабочих, особенно тесно связанные с мелкой буржуазией.

Разгром рабочих организаций, мобилизация, вырвавшая из рабочей среды многих активных работников, проникновение в рабочую среду малоустойчивых элементов — помогали этому процессу. Но и резкое выражение оборонческих настроений, как и антивоенных, было исключением. Основное настроение рабочих и крестьянских масс было пассивное, подавленное.

Очень хорошо действительное настроение мобилизованных солдат характеризует в своих походных записках Л. Н. Войтоловский.

«Встречные эшелоны обмениваются надрывным «ура», и кажется, будто вся Россия шумно и радостно вскипела волнами вооруженных, немытых и распоясанных мужиков и на всех парах несется навстречу безумному водовороту войны». И далее, рассказывая о солдатской песне, Войтоловский приводит следующие слова солдата. «Не от веселия поют. Утерял себя человек, найти не может, вот и хочет криком-песней тоску осилить».

Так шел русский рабочий и крестьянин воевать. Ход войны уже в самый первый ее период показал, что надежда, высказывавшаяся представителем буржуазии о том, что война окажет благодетельное влияние на внутреннее положение России, не увенчалась успехом. Уже в августе 1914 года А. Гучков считал, что война проиграна. Война обнаружила с особой яркостью все язвы самодержавного строя. В военном отношении Россия оказалась плохо подготовленной, обнаружились недостатки артиллерийского и продовольственно-

го снабжения, неналаженность транспорта, неумелое командование.

Все это не могло не отразиться на настроении армии уже в первые месяцы войны.

В переписке В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем (конец 1914 года), уже отмечены все основные явления «разложения армии»: мародерство, массовая сдача в плен, развитие дезертирства, общее падение духа армии. Ту же картину рисует командир корпуса жандармов генерал Джунковский, сообщая о бегстве 56-ой пехотной дивизии (13 февраля 1915 года). «Вся картина бегства 56-ой дивизии из Вержболова свидетельствовала о совершенном расстройстве дивизии, видимо деморализованной еще ранее».

Ряд замечаний о настроении армии находим и в записях дневника Куропаткина в конце 1914 и начале 1915 года. «Пища нижних чинов плохая. Хлеба мало. Все жаждут мира».

«Целые роты, вместо контр-атаки, подходили к германской траншее и поднимали ружья — сдавались. Утомились лишениями и войною. В армии много говорят о том, что надо скорее изменить порядок».

«Нижние чины начали войну с подъемом. Теперь утомлены и от постоянного отступления потеряли веру в победу».

Все такого рода сведения, естественно, не проникали в печать и тщательно охранялись от огласки.

Но если от публики тщательно скрывалось действительное настроение армии, то само военное начальство было заинтересовано в собирании сведений об этих настроениях. Все письма, идущие в действующую армию и обратно, просматривались военными цензорами, которые затем составляли сводку. И хотя иногда этими сводками пытались представить настроение на фронте в благоприятном свете, в их донесениях прорывались цитаты, свидетельствовавшие о действительном настроении солдатской массы.

Если военно-цензурные отделения стремились дать благоприятную картину настроения армии,— что им, однако, не всегда удавалось,—то департамент полиции в своих донесениях был гораздо более откровенен. В составленном в октябре 1916 года докладе большое место уделено настроению армии. Здесь между прочим приводятся сообщения уполномоченного Земского союза о том, что «настроение в армии очень тревожное, отношения между офицерами и солдатами крайне натянутые. Повсюду тысячами встречаются дезертиры. Всякий побывавший в армии должен вынести полное и убежденное впечатление о безусловном моральном разложении войска. Солдаты указывают на необходимость мира уже давно, но никогда это не делалось так открыто и с такой силой, как сейчас».

Рост революционного настроения армии перед революцией отмечает и Гучков в своих показаниях в Чрезвычайной следственной комиссии.

«Мне, с которым и простой солдат, и подпоручик, и большой генерал говорили откровенно, мне было ясно, что то, что называлось в прежнее время «перегноем строя», то-есть революционное настроение армии, было повсеместно».

Такова та общая характеристика настроения армии, которую можно почерпнуть из официальных источников и оценки современников.

Сделавшиеся доступными после революции дела корпусных судов и другие материалы военного ведомства позволяют подробно ознакомиться с тем, как совершался процесс разложения и революционизирования армии.

II.

Быт фронта и тыла. — Начало разложения армии. — Борьба с разложением армии.

В ряду сложных причин, обусловливавших революционный процесс в армии, значительную роль следует отвести бытовой обстановке тыла и фронта, толкавшей солдата на путь протеста и борьбы.

Всегда тяжелое материальное положение солдата, который «был обставлен много хуже, чем в других армиях» [1], еще более ухудшилось в годы империалистической войны, главным обра-

---

[1] Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне. „Итоги войны.“ Берлин. 1909, стр. 464.

зом в последний период кампании, в связи с общим расстройством продовольственного дела в стране.

Первые продовольственные затруднения обнаружились в самом начале войны, и уже к концу января 1915 года на всех фронтах впервые заговорили «об угрожающем критическом положении», без устранения какового «продовольствие действующей армии не может считаться обеспеченным».

К концу 1916 года раздавались жалобы на недостаточное снабжение крупами, которые предлагалось широко заменять всякими суррогатами, в роде бобов и чечевицы.

Солдатская частушка, отражающая все стороны фронтового и тылового быта, не могла пройти мимо и продовольственного снабжения. Повидимому, в это время на юго-западном фронте складываются следующие строки популярной в то время солдатской песенки:

«Если вы дадите каши,
Дорнаватра будет наша.
А дадите чечевицы —
Отдадим мы Черновицы».

Жалобы на недостаточный стол раздавались и в ряде солдатских писем: «Хлеба нет, сахару нет, пища плохая, масло вахмистр с рисом поел, мяса совсем мало, каша варится с салом, только одно название, что обед», — такова характеристика продовольственного снабжения, сделанная самими солдатами.

Материальные невзгоды, связанные с жизненной обстановкой военного времени, усугублялись бессмысленной муштрой и жестоким обращением командного состава — как офицеров, так и начальствующих «нижних чинов» — с подчиненными.

В армии господствовал преступно-пошлый взгляд на солдата как на «пушечное мясо». Примером такого отношения к солдату может служить выговор, сделанный командиру полка за то, что он не берег офицеров, не делил их на смены и пускал всех одновременно в бой. «Солдат нам пополнят, — гласит приказ, — а убыль ъ офицерах непоправима».

Еще более разительным примером проявления бессмысленной жестокости со стороны командного состава может служить трагический эпизод, имевший место в Перемышле.

9 марта 1915 года, около девяти часов утра, в Перемышле, тотчас же по сдаче его русским войскам, проезжавший вместе со своим штабом по одной из улиц города начальник 81 пехотной дивизии генерал-лейтенант Чистяков заметил какого-то русского солдата, разговаривавшего с местными крестьянами. Генерал Чистяков «без всякого повода со стороны нижнего чина» и «совершенно неожиданно, — по словам документа, — для всех свидетелей (офицеров штаба дивизии), не видевших никакой необходимости в принятии столь суровой меры», избив солдата хлыстом, обратился к сопровождавшему его ординарцу со следую-

щими словами: «Отведи его туда (указывая рукой на пустырь вправо от улицы) и застрели, как собаку».

Ординарец-казак, «исполнив приказание начальства», доложил генералу: «Ваше превосходительство, приказание исполнил». Далее следует обычный для царской армии диалог.

Генерал: «Спасибо, молодчина».

Казак: «Рад стараться».

Делу был дан на первых порах как будто бы «законный ход». Но затем с ним было поступлено, как и с большинством «генеральских дел». Дело было замято. Всякие комментарии здесь излишни.

А вот другой эпизод; герой его — офицер одной из тыловых частей, «не нюхавший пороха»— капитан Ольшевский.

«Во время стоянки в Тарнополе, — по словам солдат, — капитан Ольшевский ежедневно гулял с тремя женщинами по полю, в город и на станцию». «Женщины» жили в вагоне и требовали от солдат «исполнения своих приказаний». Во время «приготовления» к телесному наказанию над рядовым Маркиным, отказавшимся «чистить ботинки и исполнять приказания каких-то женщин», капитан О. «с тремя женщинами» наблюдал это зрелище из окна вагона. Рота дважды просила отменить наказание, но капитан был неумолим.

Поведение капитана вывело из терпения солдат, которые представили начальству жалобу вместе с обвинением Ольшевского в измене. Послед-

нюю они усматривали в том, что с начала войны в вагоне Ольшевского проживали «подозрительные австрийские женщины», которые могли заниматься шпионажем; капитан пользовался казенным паровозом для частных своих надобностей в ущерб интересам армии; при отступлении из Перемышля рота не могла своевременно выступить и подверглась обстрелу со стороны неприятеля, вследствие отсутствия капитана Ольшевского, который в это время «находился в кругу женщин».

Эти случаи были далеко не единичными.

Офицеры и в более скромных чинах также были склонны к дикому безрассудному самоуправству.

11 декабря 1915 года около девяти часов вечера хорунжий Гетманов «в погоне за крестьянской девушкой» стал стучаться в закрытую на засов дверь хаты, в которой помещались «нижние чины» 273 Богодуховского полка. Войдя в хату, хорунжий выхватил из ножен шашку и хотел ею нанести удар рядовому Меняйло, который пытался защитить девушку. Гетманов, приказав Меняйло встать на колени и поднять руки вверх, а всем присутствующим в избе «не трогаться с места», направил револьвер на Меняйло в лоб. Рядовой Меняйло опустил голову и стоял так, когда хорунжий выстрелил. Убедившись, что Меняйло жив, Гетманов сказал: «Жаль, что я тебя не убил, счастливый ты человек; я так двоих уложил».

Забота о своем комфорте также была характерной чертой известной части командного состава.

Бывали случаи, когда комфортабельному устройству на позициях приносились в жертву даже соображения военного порядка. Характерны показания солдат о командире 42 Донского казачьего полка, который, по их словам, «очень любил чистое и удобное помещение», и, когда ему отводилась неряшливая и грязная квартира, он сердился, бранился и приказывал свои вещи и знамя переносить в другой дом... и даже иногда ночью приказывал всему штабу переходить в другую квартиру». Не считался командир полка даже с тем, что «новая квартира отрезана от деревни, в которой расположен полк, и находится вблизи от неприятеля». Связь между командиром полка и частью была утрачена, полк был 3 ноября 1914 года атакован несколькими кавалерийскими разъездами противника, командир полка был захвачен в плен, знамя попало в руки неприятеля, а полк был обращен в бегство.

Высший командный состав оставлял также желать многого. Почти полное отсутствие в русской армии генералов, достойных своих командных постов, отмечалось неоднократно в различных документах и в литературе. Один из военных авторитетов, бывший профессор академии генерального штаба П. И. Изместьев, утверждал в своей статье, что «если посредственные немецкие генералы били наших, то одно из объяснений этому факту заключается в том, что наши были еще неспособнее» [1].

[1] „Анналы“, 1923 год, том III, стр. 129.

А. Н. Куропаткин в записи своего дневника от 24 февраля 1915 года, сообщая о причинах поражения X армии, о генералитете говорит следующее «Начальник дивизии Лашкевич бросил дивизию и бежал в Гродно. То же сделал Епанчин, бросил корпус и бежал в Ковно... Командующий армией Сиверс лежал в обмороке, но не распоряжался».

Поражения и отступления русских армий, связанные с неумелым командованием и недостатками боевого снабжения, вселяли в солдате недоверие и ненависть к правительству и командному составу, нередко толкавшему колонны плохо обученных, безоружных солдат, предводимых неподготовленным офицерством военного времени, под орудия и пулеметы противника и в атаки, «которые велись с обычным у русских презрением к смерти отдельного бойца», (Фалькенгейм).

Наличие в командном составе элементов, лишенных здорового морального чутья и ставящих во главу угла свое личное благополучие, создавало в представлении солдата образ офицера, который, конечно, не мог пользоваться в солдатской среде хоть каким-нибудь авторитетом, доверием и уважением. Все это возбуждало острое недовольство в войсках даже в первый маневренный период войны, который не давал времени для размышлений.

Солдат быстро по достоинству оценил неподготовленность армии к войне, командный состав и отношение офицерства к «нижнему чину».

В письме «рядового» от 5 декабря 1915 года читаем: «В русской армии много несправедливостей, много измен. Ввели в войсках телесные наказания. Начальство не смотрит на солдат, как на защитников родины, не считают их ни за что... в тылу у нас много штаб-офицеров — от капитана до генерала, а на позиции чуть не полком командует прапорщик» [1].

В другом письме, написанном еще в апреле 1915 года, солдат, потерявший всякую веру в «победу русского оружия», пишет: «Мы стояли за границей на германской земле, и наше начальство не позаботилось, чтобы нам укрепиться, но он (противник) все время делал наступления, и так нам пришлось все свои силы положить, но германец, как пришел на нашу землю, занял город Августов и город Сувалки, и он так укрепился, его никак нельзя взять; а нам приказывают все наступать, и мы как пойдем в наступление, то из нас вернется каких-нибудь 20 человек, а то всех побьют; и так наше большое начальство говорит: нечего жалеть такую грязь». В письме от 15 марта 1915 года солдат не только обрушивается на офицерство, но в словах его звучит уже новый мотив — жалоба на недостаток снарядов: «У нас была всю неделю большая кровопролитня; мы очень трудно дрались с врагом; он наш полк разбил весь в пух-прах.

---

[1] Эту же мысль высказывал В. А. Сухомлинов в письме к Н. Н. Янушкевичу: „Масса офицеров болтается в тылах. Что касается Петрограда, то постараюсь выпроводить всех боеспособных“ („Красный Архив“, 1922 г., т. II, стр. 141).

Осталось всего полка не более роты и был три раза добавлен и опять разбит, так трудно нам на войне. Что неправильно, так полк три раза добавляли и все разбивали, но офицера нету ни одного убитого и раненого, все убегают от боя. Дальше у нас только и здесь одна пехота работает, а батареи все молчат, так говорят — нечем стрелять, нет снарядов, а он более бьет нас из пушек, ждем смену дополнять полк, пойдем куда-нибудь в город».

Забота командного состава о своем комфорте, игнорирование солдатских интересов отмечается также в письмах солдат с фронта. Один из участников восстания (в январе 1917 года) Одоевского полка писал в своем письме в январе 1916 года: «Офицеры ведут широкий образ жизни, во время полкового праздника пропили около 30.000 за один праздник; в то время когда немцы укрепляли позиции, в полку строили собрание, о солдатах не заботятся и даже не дают положенной каши». Обвинение начальства в неумелом командовании и даже в измене находим во многих солдатских письмах: «А командир бригады стоит три месяца на позиции и не знает цели по Фридрихштадту». (Из письма канонира 5-й Сибирской стрелковой артеллерийской бригады от 26 декабря 1916 года). «А что касается наше начальство — нас продает». (Из письма рядового 334 пехотного Ирбитского полка от 12 марта 1915 года).

Солдат не питал уважения и к самой «верхушке» царской армии. 23 октября 1916 года было сдано

в ротную канцелярию письмо для отправки в деревню Киевской губернии, в котором «над фотографическими снимками с изображением государя императора, генералов Рузского, Янушкевича и великого князя Николая Николаевича» была сделана автором письма — рядовым 5-го Киевского гренадерского полка Яковом Горбань — надпись: «открыточка с наших врагов, видите — то шайка срисована».

Эти утверждения не звучат уж такой нелепостью, если сопоставить бесхитростные солдатские характеристики с признанием германского генерала, считавшего, что «невероятное легкомыслие» русского командования (передача приказов в нешифрованном виде) облегчало противнику ведение войны и неоднократно способствовало успешному окончанию отдельных операций» (генерал Гофман).

Надоедливая муштра создавала в солдатской массе недовольство и постоянное стремление «нижнего чина» уклониться от ненавистного ему «учения». На этой, главным образом, почве, возникали солдатские «проступки», за которые налагались дисциплинарные взыскания, еще более озлоблявшие восприимчивого солдата. Помимо наказаний, предусмотренных действующим военным законодательством, в армии широко применялись розги, введенные в 1915 году в официальном порядке. Восстановление телесных наказаний, отмененных в 1904 году, показывало, что сама власть считала себя слишком слабой, «чтобы поддерживать воен-

ный порядок и дисциплину средствами вразумительными» (Н. И. Фалеев).

Телесные наказания, еще в шестидесятых годах прошлого века признанные «не охранительной силой дисциплины, а разрушающею к ней примесью» (М. И. Драгомиров), осужденные в печати передовой частью русского офицерства, явились в армии 1914—1917 годов рассадником новых «преступлений», в которых солдат выступал в роли протестанта против дисциплины палок и безграничного произвола.

Укажем хотя бы на эпизод, имевший место в одной из дружин Ораниенбаумского гарнизона. На второй день рождественских праздников солдаты одной из местных дружин были отпущены в город; один из них опоздал из отпуска, за что, по распоряжению ротного командира, этому солдату было приказано дать в наказание 25 розог. Рота отказалась привести в исполнение это наказание, за исключением одного ратника, который выполнил приказание ротного командира.

В тот же день этот ратник «пропал без вести», а спустя два дня во время стрельбы был убит ротный командир.

Солдат, подвергавшийся телесному наказанию, доведенный до отчаяния, нередко искал помощи у своих однополчан. «Братцы, не выдайте меня, будьте человеками», — обратился рядовой 47 пехотного запасного полка Татеос Наджарьянц к выстроенным солдатам, назначенным для приведения в исполнение распоряжения командира полка.

«Пусть лучше расстреляют меня, чем чтоб секли», — добавил солдат, ударив папахой о землю. Солдаты отказались исполнять приказание начальства. Наджарьянц был предан суду по обвинению в побуждении «находившихся вблизи и стоявших в строю нижних чинов освободить его силой».

Известны случаи, когда, вследствие отказа солдат принимать участие в «экзекуции», офицеры сами бывали «вынуждены» брать «в руки розги и участвовать в порке».

Помимо законных и узаконенных форм воздействия на нижних чинов, применялись меры хотя и запрещенные законом, но получившие права гражданства в царской армии в годы последней войны.

Рукоприкладство было мотивом многих частушек, распространенных в армии в годы войны:

«Коли немец не колотит,
Взводный шкуру мне молотит».

«По окопу немец шкварит,
По сусалам взводный жарит».

«Их начальник — что картина,
Наш дерется, как скотина».

«Немцу взводный ручку жмет,
А нам взводный морду бьет».

«Рукоприкладство» возбуждало нередко протест со стороны безмолвных прежде нижних чинов.

14 августа 1915 года на военном поле г. Луцка спустился аэроплан с начальником 3-го авиационного полевого отряда. К месту спуска со всех сторон сбежались «нижние чины» различных воинских частей. Начальник отряда поручик Гартман, «разгоняя толпу», ударил одного из нижних чинов. Возбужденная толпа кричала: «Вот, мы на позиции, а вы нас бьете; бей его, надо совсем избить, а то и убить» и т. д. Прибывшие воинские части «успокоили» бушевавшую толпу.

Презрительное, бессмысленно-грубое, подчас переходящее в жестокое отношение офицера к солдатам, узаконенное соответствующими нормами, немало способствовало распаду армии еще задолго до февральской революции. В армии резко выступают два враждебных друг другу лагеря: с одной стороны, солдат-крестьянин, с другой — офицер, в подавляющем большинстве представитель господствующих классов буржуазно-помещичьего государства. Отношение солдата к офицеру, как к своему классовому врагу, сказывалось и в отдельных столкновениях двух враждующих между собою сторон. В качестве документального подтверждения этого положения укажем хотя бы на трагический по своей развязке эпизод, имевший место еще в первый период войны.

20 февраля 1915 года на перегоне за Львовом в 11 ч. вечера начальник эшелона прапорщик Васин проходил по вагонам. В одном из них большая

часть «нижних чинов» спала, а некоторые сидели и в разговорах между собой вспоминали о покинутых на родине семьях.

Прапорщик остановился, стал прислушиваться к разговору и затем сказал: «Грустить не нужно, я тоже оставил в России родных, два — дома, в Киеве, младшего брата уже убили; но я все же не падаю духом». На слова прапорщика один из солдат (взводный командир 103 маршевой роты Юрченко) сказал: «Вам, человеку богатому, с нами равняться нельзя». Кто-то из солдат в это время крикнул: «Я-то оставил только одну лошадь». На вопрос прапорщика, сознают ли солдаты, что они сказали, Юрченко ответил, что «теперь для меня все равно, так как умирать один раз».

Прапорщик почуял в солдате своего врага и не замедлил тут же расправиться с ним. Выстрелом из револьвера прапорщик Васин убил Юрченко и «случайно» этим же выстрелом еще ранил двух «нижних чинов».

Все растущее недовольство офицерством создает новую идею выборности командного состава, ставшую весьма популярной в армии в первые дни февральской революции.

В ноябре 1916 года взводные командиры четырех взводов одной из рот 44 пехотного Камчатского полка заявили о нежелании иметь ротным командиром вновь назначенного на эту должность офицера, который ранее командовал ротой и, по словам солдат, «относился к ним строго и несправедливо». Это заявление было сделано фельд-

фебелем по настоянию солдат, опрошенных взводными командирами, которые в каждом взводе ставили на обсуждение солдат вопрос: «Согласны ли они принять в роту старого командира».

На почве существующих в армии взаимоотношений росли недоверие и ненависть солдат к офицерам. Такое положение вещей вполне сознавалось представителями генералитета и вообще командным составом.

Прибывший незадолго до февральской революции в Петроград генерал А. М. Крымов, между прочим, заявил М. В. Родзянко следующее:

«В солдатском составе растет недовольство и недоверие к офицерству вообще и к начальству в частности; таким образом, армия постепенно разлагается, и дисциплине грозит полный упадок. Легко может быть, что при таких условиях армия в течение зимы может просто покинуть окопы и поле сражения».

Такую же мысль высказывал гвардейский офицер Н. М. Родзянко своему отцу — председателю Государственной Думы:

«Ставке никто не доверяет, так же, как и ближайшему начальству. Все это может кончиться озлоблением и развалом. Они (генералы) во время боев в большинстве случаев сидят в безопасных местах, на линии огня редко кто из них показывается, а умираем мы. У нас и солдаты, и офицеры одинаково думают, что если порядки не изменятся, — мы не победим».

Об этом же говорит в своем донесении начальник петроградского губернского жандармского управления: «Настроение в армии очень тревожное, отношения между офицерами и солдатами крайне напряжены и натянуты, почему неоднократно имели и имеют место кровавые столкновения. Держат себя солдаты в тыловых частях крайне вызывающе, публично обвиняя свои власти во взяточничестве, трусости, пьянстве и даже предательстве».

В действующей армии возник ряд процессов по обвинению солдат в том, что они, «имея злобу» против того или иного офицера «за его строгость и требовательность по службе», умышленно наносил побои и ранения своим начальникам.

Были ~~также~~ одиночные выступления против «начальствующих нижних чинов».

Ратник 1 пехотного запасного полка А. Ф. Бобров 14 марта 1916 года, по его словам, «подошел к подпрапорщику Дикареву, закатил ему ножом в грудь и сказал: «Пущай этого человека не будет, а я преступник». Далее Бобров добавил: «Меня никто не подговаривал. Я сам задумал отомстить за то, что Дикарев строго относился ко всем: по докладу Дикарева разжаловали двух унтер-офицеров — георгиевских кавалеров». В ротной канцелярии, сейчас же после убийства, на вопрос офицера — «Почему ты ударил ножом подпрапорщика?» — Бобров ответил: «Я свое дело сделал. Вы все только нашего брата обижаете, а мы все — одна семья!»

Бобров — участник войны на германском фронте, в рядах 178 пехотного Венденского полка дважды раненый — попал в тыловую казарму, где установился тюремный режим, толкавший наиболее чутких людей на путь протеста и борьбы.

Бобров поплатился жизнью за свое выступление; 15 марта военно-полевым судом он был приговорен к смертной казни через расстреляние, 16 марта этот приговор был приведен в исполнение «перед строем 8-й маршевой роты».

Такой же случай имел место в Ревеле в начале 1917 года, незадолго до февральской революции, в 472 пех. Масальском полку, где А. И. Иванов покушался на жизнь фельдфебеля Шкребтиенко, которого ударил штыком в грудь. Революция освободила Иванова от суда.

Дисциплина падала с каждым днем, возбуждение солдат росло, и достаточно было малейшего повода, чтобы скрытая и таившаяся в душе «нижнего чина» ненависть к существующим порядкам принимала форму протеста, направленного против всякого, кто в глазах солдатской массы являлся опорой старого режима и виновником солдатских бед и страданий. Вот эпизод последних дней (3 февраля 1917 года) жизни одного из полков царской армии.

Солдаты 212 пехотного Роменского полка ломали сарай. Офицер, подойдя к толпе, сказал: «Какого полка? Брось ломать». Толпа ответила площадной бранью и криком: «Разберем все, то-

БИБЛИОТЕКА

гда и уйдем». Офицер, «желая задержать кого-либо из толпы, схватил за руку нижнего чина и потащил его за собой». Толпа солдат с ружьями окружила офицера и, продолжая ругаться, кричала: «Брось его». Солдат вырвался из рук офицера и скрылся в толпе. По адресу офицера солдаты кричали: «Бей его, коли». Раздался винтовочный выстрел. Кто-то из толпы толкнул офицера, и он упал в снег. Толпа продолжала волноваться. Крики «бей его, коли» и площадная брань не прекращались. Офицер поспешил вместе с пришедшими на помощь «нижними чинами полицейской команды» скрыться от бушевавшей толпы. Толпа стала расходиться, преследуя ружейной стрельбой офицера и «полицейских».

Суровая военная дисциплина с ее каторжным режимом, проникнутая духом недоверия начальства к подчиненным и обратно, не могла не вызвать с первых же месяцев войны пассивного сопротивления властям со стороны солдатской массы. Солдат, только-что взятый от сохи или от станка, чуждый воинской дисциплине, бежит и от палки капрала, и от пули неприятеля. На этой почве солдатского быта выростало массовое дезертирство и сдача в плен «без должного сопротивления противнику».

По словам М. В. Родзянко, «в 1915—1916 годах количество сдавшихся в плен дошло до 2 миллионов, ушло с фронта в качестве дезертиров 1½ миллиона».

В Галиции военные дезертиры, «бежавшие в разное время из разных частей», организовали «об-

щую шайку», которая переходила из одного района в другой, скрываясь главным образом в лесах, и грабила местных жителей.

Солдатскому долготерпению приходил конец. Эта нотка звучит в весьма любопытной частушке:

«Не житье, а чисто ад,—
Я домой удрать бы рад.
А домой не удерешь:
Дезертиром пропадешь».

Дезертирство в течение всей войны составляет предмет постоянного беспокойства и забот военного начальства. Делами беглецов заняты все военные суды, в запасных частях имеются особые роты поднадзорных, состоящие из беглецов, печатаются особые плакаты «Тяжкая кара», в которых изложены статьи закона, карающие нижних чинов за совершение самовольных отлучек и побегов со службы. Беглые солдаты пребывали в деревнях, где наблюдалось, по словам документа, «безучастное отношение к их проживанию со стороны местной сельской и уездной полиции».

«Каким же способом отправлять на фронт эти роты и команды уклоняющихся от службы нижних чинов?» — спрашивает в своем рапорте от 27 августа 1916 года начальник 19 пехотной запасной бригады и далее с горечью констатирует: «Большинство их, несомненно, будет пытаться в пути снова бежать. Придется в виду этого организовать особым образом надзор, назначая значительный конвой для окарауливания такого эшелона

не только на станциях во время остановок, но даже и в пути, дабы воспрепятствовать побегам из поезда на-ходу, что наблюдается сплошь и рядом».

«Казалось бы, — заканчивает начальник бригады свой рапорт любопытным предложением,—более практичным отправлять беглых нижних чинов на фронт тем же порядком, как пересылаются обыкновенные арестанты, то-есть в арестантском вагоне с караулом».

Так петроградский генерал предполагал пополнять фронтовые части посылкой эшелонов солдат, заведомо не желающих воевать.

Другой мотив, который слышится в бесчисленных приказах по отдельным армиям, корпусам и запасным бригадам, — сдача в плен «без должного упорства».

Уход в плен солдаты рассматривали, как средство избавления от военной муштры и от участия в войне и как меру «воздействия» (в смысле улучшения бытовых условий) «нижних чинов» на начальство.

«Сделайте улучшение, а то будем в Австрии», писал солдат, поплатившийся жизнью за свои письма командирам эскадрона и полка.

В записи солдатского дневника от 3 октября 1915 года читаем: «В 8 часов пошли на занятия, которые состояли в маршировке, отдании чести и поворотах. На взгляд солдат, это занятие бесплодно, и даже слышатся голоса, что этими занятиями сами гонят в плен» (дневник Штукатурова).

Наконец, формой, в которой проявлялось стремление солдатской массы к отдыху от утомившей их тяжелой окопной жизни, было так называемое братание, которое наблюдалось в виде неорганизованных выступлений отдельных групп солдат на русско-германском, австрийском и румынском фронтах еще задолго до февральской революции.

Сохранившиеся документы свидетельствуют, что этот вид общения солдат враждебных армий получил довольно широкое распространение с конца 1915 года.

На почве «товарообмена» сходились солдаты воюющих сторон, приветствовали друг друга, передавали одни (русские) — хлеб и махорку, другие (немцы и австрийцы) — ром и мыло.

Обвинительные акты определенно отмечают, что «со стороны некоторых нижних чинов было желание войти в мирное и более тесное сношение с нижними чинами противника».

Иногда в братании принимали участие не только единичные солдаты, а целый участок фронта.

Так, на многих участках рижского фронта происходило повсеместное празднование пасхи 1916 г., на которое обращено было внимание только на третий день, и генералом Радко-Дмитриевым был издан приказ об открытии артиллерийского огня по группам, принимавшим участие в братании.

Иногда братающиеся не ограничивались «товарообменом», а призывали друг друга к прекращению военных действий. 14 октября 1916 года млад-

ший унтер-офицер 45 Сибирского стрелкового полка Семен Еремов обратился к немецкому солдату со словами: «Пан, иди к нам». Немец подошел к проволочным заграждениям, бросил ему (Еремову) 6 папирос и сказал: «Вы по нас не стреляйте, и мы по вас не будем».

Не редки были случаи когда русские солдаты посещали немецкие окопы и пользовались «гостеприимством немцев».

Рядовой 482 пехотного Жиздринского полка рассказывал: «10 апреля 1916 года на фронте не было стрельбы, и солдаты думали, что заключено перемирие, так как немецкие и наши солдаты собирались вместе и мирно разговаривали... Впереди наших окопов я увидел группу немецких и русских солдат». Немцы позвали некоторых из русских солдат к себе в окопы и «угостили кофеем».

Бывали случаи, когда в братании принимали участие и офицеры.

Симптомы разложения армии — массовое дезертирство, сдача в плен «без должного упорства», братание, недовольство бытовыми условиями военной жизни и столкновение солдат с офицерами — все это побуждало военное командование выступить с мероприятиями по восстановлению боевой мощи фронта.

С самого начала войны было обращено внимание на массовую сдачу в плен. Уже 19 декабря 1914 года был издан по второй армии секретный приказ, предписывающий «всякому начальнику, усмотревшему сдачу наших войск, не ожидая ни-

каких указаний, немедленно открывать по сдающимся огонь орудийный, пулеметный и ружейный». В приказе по IV армии от 4 июня 1919 года читаем: «Приказываю... отбросив в сторону всякие гуманные соображения, совершенно недопустимые при условиях настоящей войны, безмилосердно расстреливать забывших присягу».

На ряду с расстрелами велась пропаганда о тяжелой жизни в плену, об издевательствах над русскими солдатами, попадавшими в плен к неприятелю. С этой целью издавалась специальная литература, основанная на материалах, нередко фальсифицированных (комиссии сенатора Кривцова [1]).

Эта же тема служила материалом для проповедей военных священников, которые пользовались опубликованными протопресвитером военного и морского духовенства «образцовыми поучениями» на темы: «Лучше славная смерть в бою, чем позорная жизнь в плену» (один из тезисов этой брошюры: «Кто сдается в плен, тот отрекается от христа»), «Напутствие воину перед боем» и т. д.

Солдат с недоверием относился к рассказам начальства и продолжал твердить: «Лучше в плен. Говорят, что в плену плохо, а все врут, там лучше. Вот здесь трудная жизнь: есть дают мало, а работать день и ночь». «Вот дурак, — говорил рядовой Феодосий Жариков 5 октября 1916 года, обращаясь к солдату, бежавшему из плена, — жил бы там в плену. Какого чорта ты сюда пришел, и

[1] „Наши враги". Птг. 1916 г.

чего бы там тебе не жить? Хошь в плену и кормят неважно и заставляют там работать, но все-таки не слышишь этого гула. А здесь каждую ночь то в караул, то на работу, кормят плохо и кушанье-то всегда холодное».

Желая отвлечь солдата от каких бы то ни было размышлений, генерал А. Н. Куропаткин в приказе по армиям северного фронта (от 23 июня 1916 г. № 473) рекомендует вести «борьбу с бездействием». В приказе Куропаткина между прочим читаем: «Продолжительное пребывание людей в окопах может неблагоприятно отразиться... на их душевном настроении, если со стороны начальствующих лиц не будут приняты надлежащие меры. Надо... принять самые разнообразные меры, чтобы находящиеся в окопах и резервах люди были заняты. Займите их мелкими, но интересными для нижних чинов работами по их питанию, организуйте кипятильники, где можно, попробуйте варку пищи. Варка займет нижних чинов». Далее рекомендуется в качестве мероприятий по поднятию «воинского духа» в частях «достаточный сон, строевые занятия, гимнастика, ежедневное пение песен, чтение газет и книг и церковная служба». Этот приказ заканчивается следующими словами: «Русский солдат религиозен, уважает священника, любит чтение священных книг и церковную службу. Необходимо возможно чаще посещение окопов священниками, в высокой степени полезны их религиозные беседы и поддержание крепкой веры, которою искони живет и впредь будет жить

русский солдат». Куропаткин в своем приказе предписывает также «внушать нижним чинам для увеличения их бодрости, что их семьи не брошены, живут безбедно, и что приняты все меры, чтобы поля их были засеяны».

Крупные неудачи на театре военных действий и особенно отступление русских армий, начавшееся 18 апреля 1915 года с прорывом у Горлицы (в Галиции), завершившееся очищением передового театра и отходом далеко на северо-восток за крепостную линию Ковно—Гродно—Брест-Литовск, — побудили ставку и военное командование, с целью отвлечь общее внимание от собственных ошибок, усиленно муссировать все возникавшие слухи об измене.

Было создано известное дело полковника Мясоедова, который 18 марта 1915 года был признан военно-полевым судом виновным в шпионстве и в ту же ночь казнен, хотя для такого приговора в распоряжении суда не было фактических данных и обвинение осталось недоказанным.

Солдат искал объяснение неудач на театре военных действий. В 1915 году в казармах тыловых частей солдаты, прибывшие с фронта, по сообщению агентурных записок, рассказывали, что «в армии сильное недовольство правительством, которое заблаговременно не подумало о предоставлении армии необходимых средств для защиты». «Война может продолжаться до тех пор, — говорили солдаты, — пока в наших руках будут крепости Ковно, Ново-Георгиевск, Осовец, Гродно

и Брест-Литовск. Если эти крепости будут взяты, то дальше продолжать войну нельзя, так как в армии не имеется снарядов и орудий больших калибров, которых больше, чем достаточно, в германской армии». Почти во всех войсковых частях солдаты жаловались на отсутствие винтовок, снарядов и патронов.

Солдат искал не только причин военных неудач, но искал и виновников их.

Правительство и военные власти прибегли к старому испытанному средству — к возбуждению солдатской массы против евреев — с целью отвлечь внимание солдата от истинных виновников как самой войны, так и неудач на фронте. Солдаты «знали: раз приказ о евреях — значит дела плохи. Надо же на кого-нибудь свалить свою вину», — пишет в своих воспоминаниях В. Дмитриев. «Также надо дать выход и солдатской муке. Пусть потешатся... Но это с каждым днем удавалось хуже».

Атмосфера, создаваемая глухими и тревожными слухами о «еврейской измене», давала возможность развить широкую погромную агитацию. Обвинения, предъявлявшиеся евреям в начале и в средине войны, носили один и тот же характер: евреи устанавливали связь с неприятелем при посредстве подземных телефонов и аэропланов, снабжают противника золотом и съестными припасами. На этой канве невежество и спекулирующая злая воля вышивали самые причудливые узоры. По одной версии, евреи привязывают золото под гусиные крылья, и птицы уносят его к врагам. По дру-

гой — золотом наполнялись внутренности битой птицы, которая отправлялась в Германию.

Избивая мельника в Колках, Волынской губ., казаки приговаривали: «Это тебе за то, что кормил Германию». В Березинцах (Волынской губ.), священник сообщал народу с церковного амвона, что евреи шпионят, что в животе коровы найден был телефон, приспособленный евреями для сношения с неприятелем.

В Вильно 14 августа 1915 года военный патруль среди бела дня окружил дом, обыскал жилые помещения и погреба. Солдаты из патруля объясняли прохожим, что ищут подземный телефон.

16 сентября 1915 года под Рафаловкой (Луцкого уезда) происходил бой. От залетевших в местечко снарядов загорелось несколько еврейских домов. Комендант приказал созвать всех евреев на базарную площадь и принялся обвинять их в том, что они поджигают свои дома в целях сигнализации неприятелю. Комендант объявил, что будет расстреливать тех евреев, у которых загорятся дома. Во время этой речи на площади присутствовали многие солдаты и местные жители христиане.

Подобное отношение к евреям не являлось случайностью, а систематически насаждалось сверху, о чем свидетельствует ряд пропитанных духом человеконенавистничества приказов по армиям и отдельным армейским частям. Из таких приказов, относящихся к рассматриваемому периоду, отметим один наиболее характерный. 8 июля 1915 года командующий бригадой генерал-лейтенант Ждано-

вич разослал командирам частей приказ, в котором офицерам предлагается «приняться за искоренение жидовского зла в русской армии, заражающего и русского солдата»[1]. Жданович опасается, что после войны евреи потребуют равноправия, между тем как они в данный момент будто бы избегают становиться в ряды армии и якобы уклоняются от защиты «родины» (это писалось в то время, когда в списках потерь на фронтах в числе убитых и раненых фигурировали тысячи еврейских имен и фамилий). Автор приказа рассчитывает на погромы, в которых выльется «народная ненависть и злоба» и «неизбежно» пострадают «не только те, которые своими преступными делами в пользу неприятеля запятнали себя, но и ни в чем неповинные их родители и дети».

Подобно многим аналогичным приказам, рассылавшимся штабом верховного главнокомандующего, приказ генерала Ждановича имел, очевидно, целью не только ограждение армии от мерещившихся начальству «еврейских козней», а подготовку народных масс, организованных в армию, к противодействию возможным требованиям еврейского равноправия.

Более ярок другой относящийся к этому време-

---

[1] Иное мнение высказывали представители командного состава после „победных" для русского оружия войн. А. Н. Куропаткин после войны 1877—1878 гг. писал: „и татары, и евреи умели и будут вперед так же геройски драться и умирать, как и прочие русские солдаты". („Военный сборник", 1883 г. № 7, стр. 59).

ни документ, исходящий от центрального правительственного органа.

Летом 1915 года министерство финансов разослало по предложению министерства внутренних дел всем «чинам» своего ведомства циркуляр, содержащий заведомую ложь и возбуждающий против евреев все население России, а в особенности крестьянство. Циркуляр гласит, что, по полученным в департаменте полиции «непроверенным» сведениям, германцы, «с целью подорвать благосостояние крестьянского населения России», намереваются произвести посредством машин выжигание хлебов на корню, и помогают им в этом немцы, состоящие в русском подданстве, и «привлеченные к этому делу путем подкупа евреи». Министерство финансов предложило ознакомить с этим циркуляром лиц волостной и сельской администрации, «хотя означенные сведения не проверены, и возможно, что являются не вполне достоверными».

Отношение властей поддерживало представление о «преступности» евреев и о том, что насилия над ними остаются безнаказанными. Как-то в местечке Глубоком (Волынской губ.) солдаты арестовали буйствовавшего казака и повели его к коменданту; казак с недоумением воскликнул: «Что. разве нельзя жидов бить!»

Характерным для настроений некоторой части солдатской массы, считавшей, что убить еврея не составляет преступления, является письмо казака Алексея Верина. Верин жалуется, что живется ему

плохо, что, получая 70 коп. в месяц, он вынужден еще сам покупать сено; «убить жида — у него тоже нет, а бьют их как собак, да толку нет, сами голодные они здесь».

Погромы, жертвами которых было мирное еврейское население, совершались нередко на глазах у военных властей, при их молчаливом попустительстве или более или менее открытом сочувствии и непосредственном содействии. Несомненно, что в этих погромах «наибольшую опасность» представляло «нарушение порядка» начальниками, пример которых, «будучи обязателен в хорошем, неизбежно обязателен и в дурном». (М. И. Драгомиров).

Погромные настроения создавались правительством и реакционными кругами как на фронте, так и в тылу. Антисемитская пропаганда систематически велась органами военной печати: «Армейским Вестником», «Разведчиком» и «Последними армейскими известиями». В публицистической или беллетристической форме, но с полным пренебрежением к требованиям истины и логики армейская печать изо дня в день преподносила своим читателям общие рассуждения и самые фантастические рассказы об еврейской «измене».

Погромные настроения охватили также и некоторые части, входившие в состав Кавказской армии.

На Кавказском фронте циркулировали слухи об «измене» местного мусульманского населения, оказывавшего будто бы помощь Турции в войне с

Россией. Говорили также, что «аджарские беки идут против русских». «Резня» и грабежи местных жителей-мусульман приняли особенно жестокие формы в конце декабря 1914 года, когда пластунами были разорены и уничтожены многие поселения Ардаганского и Ольтинского округов.

Не были пощажены даже рабочие-мусульмане, высланные, по распоряжению властей, «на помощь войскам» для расчистки дорог. Избиения совершались в присутствии офицеров, которые нередко поощряли и возбуждали солдатскую массу. Так, при сопровождении партии арестованных мусульман, один из офицеров, аджарец по происхождению, заявил: «Аджарцы не турки, а грузины, но исповедуют магометанскую веру». В ответ на эти слова командир полка сказал: «Знаем, знаем мы... грузин, что они наделали в 1905 году».

Мысли солдата были направлены также и на поиски «изменника-немца», служившего в русской армии. Великий князь Николай Николаевич, будучи тогда верховным главнокомандующим, на основании каких-то сплетен, обвинял в шпионаже в пользу Германии начальника штаба гвардейского корпуса графа Ностица.

Первые революционные выступления солдат во флоте и в армии были также связаны с недовольством по поводу офицеров-немцев, которых обвиняли в измене.

В записи дневника А. Н. Куропаткина от 21 декабря 1914 года читаем: «На станции железной дороги один из офицеров батареи зарубил за гра-

беж нижнего чина. Ударил сперва хлыстом. Тот хлыст вырвал и сломал. Нижние чины были возмущены и кричали: «Зачем нам искать немцев впереди, когда есть среди нас немцы-изменники». Офицер носит немецкую фамилию. Офицера оставили в батарее. Несколько нижних чинов, кажется, расстреляли».

Эта басня, инспирируемая известной частью командного состава, была популярной в армии с самого начала войны. Каждая неудача отдельной части, если в ее составе были офицеры немцы, объяснялась изменой последних.

Среди солдат 355-ой и 356-ой пеших Лифляндских дружин неоднократно высказывалось, как отмечает крепостная агентура, недовольство офицерским составом, который в большинстве состоял из лиц с немецкими фамилиями. Особенно это недовольство обострилось в августе 1915 года, в связи с неудачами на театре военных действий, причины которых, по мнению большинства солдат (по сообщению агентурной записки), кроются в «немецком засильи» и в измене офицеров немцев, находившихся в рядах русской армии. Это послужило поводом к тому, что в одной из дружин накануне выступления из Кронштадта на фронт, в ночь с 14 на 15 августа 1915 года, среди солдат было намерение организовать выступление и перебить всех офицеров с немецкими фамилиями, начиная с командира дружины, также немца, которого солдаты называли «главным немцем». С этой целью солдаты спали всю ночь одетыми,

готовыми к выступлению каждую минуту и чего-то ждали. Некоторые говорили, что солдаты ожидали прибытия «главного немца» — командира дружины, но так как он не пришел, то замысел солдат не был осуществлен, хотя настроение солдат оставалось возбужденным.

К началу 1916 года погромный кровавый туман несколько рассеялся, стали глохнуть разговоры о мнимой измене, смягчались обостренные национальные отношения, и армия увидела лицо истинных виновников постигших страну бедствий.

III.

Армия и тыл. — Классовое расслоение армии. — Борьба за армию. — Военные организации большевиков.

Обстановка солдатской жизни на войне, впечатления, получаемые на фронте, уже сами по себе создавали резко отрицательное отношение к войне, возбуждали ненависть к командному составу и помогали солдату более сознательно относиться к действительности.

Но не только события на фронте, но и положение в тылу должно было способствовать этому. Тесная связь армии с тылом поддерживалась свежими пополнениями, приездами солдат домой «на побывку», а также солдатской перепиской, которая, несмотря на строгую военную цензуру, давала возможность проникать в армию волнующим све-

дениям о положении в тылу. С другой стороны и фронт оказывал свое влияние на настроение в тылу. Связь солдат с тылом для роста революционного настроения в армии постоянно отмечалась в докладах департамента полиции, военно-цензурных отделений и высшего военного начальства. Так, в докладе военно-цензурного отделения штаба XII армии среди «интересных явлений последнего отчетного периода» отмечаются: «а) крайне чуткое отношение солдат и офицеров к политическим событиям в России и столице (к правительственной деятельности, Государственной Думе и к немецкому влиянию в некоторых кругах); б) недовольство неорганизованностью глубокого тыла, следствием чего явилась потрясающая и совершенно необъяснимая дороговизна». Отмечено также, что «в письмах частных жителей, помимо обычных и настойчивых пожеланий мира, попрежнему красной нитью проходит жалоба на дороговизну, на недостаток продуктов первой необходимости, а также боязнь за участь оставленных сельских хозяйств» (январь 1917 г.).

То же указывается и в цитированной уже нами записке департамента полиции в октябре 1916 года. «Близкие сношения столичных рабочих с солдатами также показывают, что и в армии настроение стало очень и очень неспокойным, если не сказать «революционным»; дороговизна жизни и недостаток продуктов, переносимые с трудом солдатками, очень хорошо известны в армии через самих солдат, разновременно приезжавших сюда

на «побывку». Беспокойство солдат за оставленные на родине семьи все более и более увеличивается и является весьма благоприятной почвой для успеха пропаганды не только революционной, но, при известных условиях, и германской. Больничные кассы крупных заводов заваливаются письмами и сообщениями «товарищей» и к «товарищам» с фронта: письма эти полны брани по адресу «виновников дороговизны» и угрожают «настоящим расчетом», когда война закончится или прервется».

Правда, с другой стороны, почти накануне февральской революции (19 февраля 1917 года) главнокомандующий северным фронтом генерал Н. В. Рузский высказывал свое убеждение в том, что «армия и по настоящее время проникнута сознанием долга, горячим желанием победы и в массе до последнего времени остается чуждой вопросам внутренней политики». Но и он должен был признать, что пробуждению этого интереса может способствовать увеличение и распространение недовольства неорганизованностью и вообще состоянием глубокого тыла. «Тыловую разруху солдат начинает чувствовать и на себе непосредственно, и на близких ему людях». Таким образом, несмотря на достаточно оптимистический взгляд, что в армии «до сих пор наблюдается» общий порыв к окончанию войны «путем стремления к победе», генералу Рузскому приходится признать наличие такого фактора, как тяжелый кризис внутренней жизни страны, который может в будущем отвлечь

внимание армии «от ее прямого дела и создать условия и течения, которые могут привесть к ослаблению этого общего порыва».

Другие представители высшего командного состава относят рост отмечаемых ген. Рузским явлений к гораздо более раннему времени.

В секретном письме от 30 августа 1916 года на имя военного министра, начальник штаба верховного главнокомандующего, препровождая копию донесений одной из армий о результатах обследования в июле месяце военной цензурой писем из армии и в армию, дает им такую оценку:

«Этой краткой, но останавливающей на себе внимание заметкою приоткрывается лишь маленький уголок или завеса, которая скрывает настроение в армии, а вернее говоря, во всем населении России.

Обзор этого материала за более продолжительный период и по всем армиям дает картину и более внушительную, и более определенно указывающую, чем живет и чем обеспокоен каждый чин армии, оставивший на родине недостаточную и необеспеченную семью. Настроение для войны — неподходящее.

Я возбудил уже ходатайство о выдаче солдатского пайка семьям младших офицеров, как наиболее страдающим от недостатка средств при непрекращающемся возрастании дороговизны. Но даже благоприятное разрешение этого вопроса явится паллиативом в том остром явлении, в борьбе с которым нужны меры смелые, решительные,

широко построенные, а не формирование новых комитетов и особых совещаний, журналы коих цен на хлеб и предметы первой необходимости не уменьшают, на первоисточники зла руки не накладывают и с важностью быстроты мероприятий не считаются.

Между тем приближается зима и, при цене дров 125—150 рублей за кубическую сажень, к недоеданию, к невозможности одеть детей присоединяется холод и невозможность отопить квартиру, в которой живет семья.

Как это отразится на настроении и духе армии, предоставляю судить вам. Может ли принести надлежащие результаты работа старших начальствующих лиц в деле поднятия на высоту нравственного элемента и духа отдельных чинов, армию составляющих, когда их семьи нуждаются и когда в войсках все чаще и тверже раздаются голоса, что никто из власть имеющих не хочет бороться со злом.

Уже имеются достаточные данные, чтобы судить о преступной деятельности большинства банков в области предметов первой необходимости и спекуляции ими. Чья-то злая воля и руки направляют эту деятельность. Но до сих пор эти учреждения благоденствуют, расширяют свою деятельность, и нет признаков, что на них будет наложена узда, и твердая неумолимая рука правительства вскроет этот нарыв и, быть может, первоисточник переживаемого бедствия.

Во имя высшего блага родины, столь неразрывно связанного с настроением, с готовностью чинов ее нести труды военного времени, жертвовать своею жизнью, прошу ускорить осуществление мер, коими, быть может, и полны страницы журналов различных комитетов и совещаний, но кои пока не имеют ни малейшего практического значения и не могут влиять на настроение чинов армии».

Продовольственный кризис в тылу и жандармской властью рассматривался как наиболее сильный повод, благоприятствующий революционной агитации.

«Наблюдаемое ныне непомерное вздорожание и недостаток предметов первой необходимости является одним из наиболее острых и насущных вопросов настоящего времени. Постепенно разрастаясь, это явление приобретает характер народного бедствия и не только служит источником ослабления экономических сил страны, но и производит внутреннюю политическую смуту, давая благоприятную почву для злонамеренной агитации среди неимущего класса населения».

Насколько остро стоял продовольственный кризис, показывают происходившие в конце 1916 года во многих городах волнения и беспорядки на почве дороговизны и затруднения с продовольствием, о которых имеются подробные донесения в делах департамента полиции.

Приведем донесения о некоторых таких «беспорядках», в которых деятельное участие принимали «солдатки».

«Двух часов дня девятнадцатого ноября начался погром торговых помещений группой солдаток, которым быстро присоединились подростки, взрослое население... Выдвинутые войска оказывали более сочувствия погромщикам, чем защите частного имущества, благодаря этому бесчинствующая толпа при частичном участии солдат и при полном покровительстве войск громила магазины в продолжение наступающей ночи, также весь следующий день. Гражданская власть проявила полнейшее бездействие, город был отдан во власть бесчинствующей толпе. Попытки биржевого комитета организовать самооборону граждан от расходившейся толпы погромщиков, угрожающей квартирам граждан, не имели успеха. Чтобы прекратить погром, граждане вынуждены были просить губернатора увести с улиц войска. Войска были уведены, погром прекратился. Почти все крупные магазины на 80% всей торговли разгромлены, убытки около 2 млн. руб. Торговля совершенно дезорганизована, будущем нет никаких гарантий, что погромы не повторятся». (Телеграмма из Семипалатинска).

«9 декабря в г. Никольске, Томской губ., утром к городской продовольственной лавке за получением сахара собрались жители города, преимущественно женщины. Когда им было объявлено, что на следующий день, 10 декабря, по окончании развески им будет выдано по одному фунту сахара, вместо обещанных трех, в толпе поднялся ропот на злонамеренные действия слу-

жащих городской управы. Требуя выдачи по 3 ф. сахара на человека, толпа стала бросать камнями в чинов полиции и в окна лавки. Вследствие сего полицмейстер распорядился удалить собравшихся, что и было исполнено полицейским нарядом, но в этот момент к толпе присоединились ратники, возвращавшиеся с учения, и два нижних чина, вернувшиеся с фронта. Располагая незначительным отрядом пеших городовых и восемью конными городовыми, полицмейстер, в виду явной опасности насильственных действий разраставшегося скопища, принужден обратиться к содействию войск, которыми было произведено несколько залпов из ружей. Убедившись в отсутствии жертв и понимая, что солдаты стреляют вверх, толпа вновь стала наступать и разгромила магазин СПБ товарищества, а также городскую продовольственную лавку. Лишь по прибытии к действовавшей команде из 25 чел. значительных подкреплений скопище было рассеяно без употребления огнестрельного оружия.

Во время беспорядков ушиблен помощник пристава и три околоточных надзирателя».

«19 ноября в г. Семипалатинске толпа солдаток, к которым присоединились мужчины, потребовала в одном из магазинов удешевленной продажи товара, а затем начала погром, который продолжался в течение 2-х суток, при чем было разграблено до 16 магазинов. Вызванная для подавления беспорядков местная ополченская дружина относилась безучастно к погромщикам, и

по заявлению начальника гарнизона нижние чины отказались употребить оружие. Полиция же оказалась бессильной прекратить погром».

«Происходившие 19 и 20 ноября в г. Семипалатинске беспорядки на почве дороговизны перебросились в некоторые сельские местности Семипалатинского и Устькаменогорского уездов и выразились в разгроме нескольких торговых заведений. Так, в последних числах ноября в с. Мало-Владимирском толпа, состоявшая главным образом из солдаток, по подстрекательству одной из зачинщиц семипалатинского погрома Скляровой, бывшей проездом в этом селении, разграбила лавку торговца Теплухина. На указанной почве произведены солдатками и в ст. Долонской, Семипалатинского уезда, беспорядки, сопровождавшиеся разгромом лавки и расхищением. Для подавления беспорядков был командирован казачий отряд».

Продовольственный кризис был только одной из сторон той внутренней разрухи, которая волновала всю армию.

Некоторые представители высшего командного состава вполне отчетливо понимали, что «современная армия, заключая в своих рядах представителей всех классов, профессий и убеждений населения России, представляет собою однородную с прочим тыловым населением массу и естественно отражает в себе те настроения, помыслы и стремления, которые суммируются в другой половине ее».

В условиях войны быстро шел процесс разложения армии на ее основные составные классовые части. Очень решительное выражение этот процесс получал в отмеченном нами выше росте антагонизма между солдатами и высшим командным составом. Что армия перестала быть надежной опорой правительства и коренным образом изменила свой облик, сознавали наиболее дальновидные члены правительства. Уже в августе 1915 года на заседании совета министров граф Игнатьев заявил, что «армия перестала быть армией, а превратилась в вооруженный народ».

В обстановке войны сильно изменился даже командный состав, в среде которого были элементы, внушавшие опасение за свою политическую «неблагонадежность». Еще задолго до войны в состав офицерства начали проникать чисто буржуазные элементы. Такие группы существовали даже среди некоторых полков гвардии, офицерство которой вообще дольше всех других частей войск сохраняло дворянский классовый характер. Уже в эпоху первой революции среди гвардейского офицерства были лица, связанные с либеральной буржуазией. Впоследствии эта связь становится более тесной. А. Гучков в своих показаниях рассказывает о существовавшем кружке из представителей буржуазных партий Государственной Думы, в который входило также несколько молодых генералов и офицеров генерального штаба. Здесь разрабатывались вопросы,

которые затем переносились в комиссию по государственной обороне.

Война еще более изменила классовый состав офицерства. Как справедливо писал В. И. Ленин, «поражения, истребляя в громадном размере старые командные составы заскорузлого дворянского и особенно гнилого чиновничьего характера, заменяло его молодым, свежим, преимущественно буржуазно-разночинным и мелкобуржуазным».

Особенно это изменение коснулось низшего командного состава. В конце 1915 года в своем докладе царю генерал от инфантерии А. А. Адлерберг писал, что в запасных батальонах «большинство прапорщиков состоит из крайне нежелательных для офицерской среды элементов. Между ними были из чернорабочих, слесарей, каменщиков, половых и буфетчиков». По поводу этого доклада царем было замечено: «на это надо обратить серьезное внимание».

Большие опасения у членов правительства вызывала необходимость призыва студентов в юнкерские училища. Как сообщает в своей книге немецкий историк Теодор Шиман, в декабре 1914 года на секретном заседании совета министров было признано, что такой призыв равносилен революционизированию армии.

Говоря о том, что резко отрицательное и враждебное отношение к существующему в России порядку было общим, как в офицерской среде, так даже и в высшем командном составе, Гучков счи-

тает, что среди офицерства, «которое является теперь истинным пролетарием», были несомненно и социалистически окрашенные люди.

Если офицерство в значительной своей части отражало настроения либеральной буржуазии, то преобладающим настроением солдатской массы были крестьянские настроения, так как крестьянство составляло основную массу армии (ее пехотные и кавалерийские части).

В цитированной уже нами записке департамента полиции так описывается настроение деревни: «Отношение деревни к войне, с момента возникновения таковой, было весьма неблагоприятное, ибо там более чувствовался увод ратников, чем это ощущалось в городе. Теперь же в деревне уже не верят в успех войны... все ждут не дождутся, когда же наконец окончится эта проклятая война».

...«Настроение деревни стало резко оппозиционным не только по отношению к правительству, но даже и к другим (не деревенским) классам населения...

Повсюду обсуждаются политические вопросы, делаются постановления, направленные против помещиков и купцов»...

Конечно, резко оппозиционное настроение крестьянства проявилось не сразу. Вначале крестьянство, при господствующем подавленном настроении, своей активности резко не проявляло. Это давало основание департаменту полиции еще в октябре 1915 года заключить, что в деревне «в

большинстве случаев, вследствие весьма благоприятно сложившихся для крестьян экономических условий, не только не наблюдается повышенного настроения, но отмечается даже довольство и спокойное или скорее безразличное отношение ко всему тому, что так тревожит городское население». Эта характеристика целиком относится, конечно, к верхнему слою деревни — сельской буржуазии, кулачеству, положение которого, несомненно, в первый период войны, в связи с повышением цен на сельскохозяйственные продукты, улучшилось. В дальнейшем поражения на фронте, общая неспособность правительства справиться с войной, установление таксы на сельскохозяйственные продукты, запрещение вывоза и общая хозяйственная разруха развивали и в этой группе крестьян оппозиционные настроения. Положение середняков и в особенности беднейшей части крестьянского населения стало неблагоприятным с первых же месяцев войны. Они наиболее резко почувствовали на себе непосредственное влияние войны: постоянные призывы в армию, лишавшие деревню половины трудоспособного мужского населения, постоянные реквизиции, дороговизну промышленных продуктов. Все это способствовало тому, что первоначально пассивное отношение крестьянства к войне сменяется проявлением активного протеста. В особенности недовольство крестьян увеличивалось в связи с частыми призывами. «Вот берут, берут, берут солдат, а толку нет: ни мира, ни победы», — та-

кие разговоры среди крестьян передавались в жандармских донесениях.

Крестьяне начинают сознавать, что они несут все тяготы войны, в то время как лица господствующих классов путем подкупов и протекции уклоняются от призыва в армию, что война ведется не в их интересах. Начинают раздаваться голоса о необходимости революционного выступления, о том, что «остается лишь вооружаться и уничтожать господ и правительство», ведущих нас к гибели и разорению».

Так росло политическое самосознание деревни, приведшее ее к тому чисто оппозиционному настроению, о котором говорится в приведенной нами выше записке департамента полиции.

Пробуждение классового самосознания усилило крестьянскую тягу к земле, поддерживаемую слухами о предстоящем наделении крестьян землями, отобранными у немцев. «Крестьяне убеждены, что за все невзгоды за время войны они будут наделены землей», — сообщали в своих донесениях представители местной полиции.

В своих стремлениях крестьяне шли дальше приобретения только земель германских подданных. «В последнее время, — сообщала харьковская охранка, — крестьяне стали особенно часто толковать о праве своем не только на так называемые немецкие земли, но и земли помещиков». Все эти крестьянские стремления находили

свой отклик в армии, о чём свидетельствуют солдатские разговоры и письма.

«Один раненый солдатик в беседе с моим знакомым, — пишет автор воспоминаний, — высказал уверенность, что после войны «будет нарезка земли и уравнение в правах». Знакомый стал возражать. Солдатик стоял на своем, заявив, что такое обещание было дано верховным главнокомандующим. «Да ведь секретный приказ-то для того и дан». — «Какой такой секретный приказ?» — «Да как же, все о нем знают: приказ о том, чтобы после войны не сдавать оружия. Это значит, как царь не захочет исполнить, что обещал, чтобы оружием добывать».

В этом разговоре, а также и в других уже звучат чисто революционные ноты. «Члены наших семей несут лишения на войне, а у нас дома нет хлеба, и никто об этом не заботится», — говорили крестьяне-солдаты и заявляли, что они будут вынуждены «громить и жечь купцов и усадьбы». Многие фронтовики считали, что «после войны будет война внутри России из-за того, что все богачи откупились и не несут военной службы, а сидят дома».

Наличие такого рода крестьянских стремлений в армии послужило основанием для проекта, с которым в августе 1915 года начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Янушкевич обратился в совет министров. Указав, что солдаты плохо воюют, что положение на фронте очень тяжелое, он считал необходимым «заманить

русского солдата землей, под угрозой конфискации у сдающихся». Поэтому он предлагал издать «монарший акт, возвещающий о наделении землею наиболее пострадавших и наиболее отличившихся воинов». Конечно, проект этот вызвал резкий отпор в совете министров.

Крестьянские настроения, присущие большей части солдатской массы, равно как и бытовые условия солдатской жизни, уже сами по себе создавали почву для развития сознательного отношения к войне и событиям политической жизни. Громадное значение в деле революционирования армии имело затем и соприкосновение солдат-крестьян с рабочими как в рядах самой армии, так и во время пребывания в городах. Если в первые месяцы войны несколько ослаблен был размах рабочего движения, чувствовалось подавленное настроение рабочей массы, а кое-где и оборонческие ноты в ее среде, то к средине 1915 года стачечное движение рабочих усиливается; начавшись как стихийное движение на экономической почве, оно очень скоро приобретает революционную политическую окраску.

О рабочем движении солдаты на фронте получали сведения из переписки с товарищами, а также через прямых свидетелей этого движения — солдат, прибывавших из запасных частей с маршевыми ротами. Солдатам запасных частей приходилось сталкиваться с рабочим движением не только как посторонним зрителям. Войска должны были оказывать военной силой самое энергичное

содействие гражданским властям для подавления «беспорядков». Однако, уже в 1915 году появились симптомы, показывающие, что солдаты не могут быть надежным оружием для борьбы с рабочими выступлениями и что они сознают свою солидарность с рабочими. В записке начальника кронштадтского жандармского управления 18 сентября 1915 года сообщается, что во время забастовки на Путиловском заводе были случаи, когда «вызванные для подавления беспорядков две роты из числа квартирующих в Петрограде ополченских дружин отказались стрелять в рабочих». Агентурные записки передавали такие разговоры: «Войска в настоящее время против рабочих не пойдут и помогут разделаться с правительством».

Выражали солдаты протест и против другой формы борьбы с рабочими выступлениями — с назначением некоторых частей войск на заводы для замены бастующих рабочих.

В марте 1916 года агентурная записка сообщает:

«Между минерами и саперами, предназначенными на работу на Путиловский завод, ведется агитация за то, чтобы не ходить на работу и, таким образом, не итти против своих товарищей рабочих».

В этой форме борьбы с царским режимом не трудно усмотреть аналогию с событием 1905 г.— отказом солдат-электротехников заменить забастовавших рабочих.

1789—5

Эти настроения войска чувствовали и представители власти. 6 декабря 1915 года на полковом празднике отдельного корпуса жандармов шеф жандармов А. А. Хвостов (министр внутренних дел) произнес речь о том, что в «предстоящем 1916 году предстоит тяжелая ответственная и большая работа», на удачное выполнение которой он выражал свою надежду. Эта речь горячо затем обсуждалась жандармами, при чем высказывалось и такое мнение: «В 1905 году работа была легкая, потому что войско было на стороне правительства, то-есть с жандармами. Теперь же на это рассчитывать нельзя и нельзя рассчитывать на успех в борьбе с предстоящей революцией».

В тылу солдаты непосредственно соприкасались с рабочими. В то же время отдельные представители сознательного пролетариата, находившиеся в среде войска, несли в окопы свое революционное настроение, помогали солдату-крестьянину разбираться в происходящих событиях.

О такой работе революционно сознательного пролетариата дошли до нас отдельные воспоминания и письма. На ряду с мобилизованными рабочими сознательную революционизирующую струю вносили в армию и участники предшествовавшей русско-японской войны и революционного движения 1905—1906 годов, призванные из запаса. «А запасные — это те же, что были двинуты во время недавней японской войны, откуда они вернулись разочарованными и обедневшими», —

пишет автор воспоминаний. «Они помнят и речи господ, помнят они и последовавшее после этой войны»... Сообщая о лицах, ведущих в армии агитацию, агентурные записки особенно подробно останавливались на тех, которые ранее принимали участие в революционном движении.

Рост сознательности в солдатской массе нашел свое яркое выражение в солдатских разговорах и письмах. В них совершенно отчетливо высказывается мысль о том, что война ведется в интересах господствующих классов, подчеркивается неспособность правительства справиться с войной, выражается резкий протест против самодержавного строя. Это последнее настроение отразилось прежде всего на отношении к полиции. Уже во время мобилизации были случаи резкого выступления против представителей полицейской власти. Очень ярко отношение к полиции выразилось в известных московских «беспорядках» 14—15 сентября 1915 года, ближайшим поводом к которым послужило столкновение полицейского с солдатом и в которых принимали участие солдаты.

По мнению властей, решающую роль в возникновении беспорядков сыграл брошенный с трибуны Государственной Думы лозунг о необходимости призыва всей полиции в армию. Это требование выражалось уже во время мобилизации, повторяется оно и во многих солдатских письмах. Так, в письме солдата от 15 марта 1915 года читаем: «Я очень рад, что вы пишете, что скоро

возьмут полицию». Автор одного из воспоминаний военных годов пишет: «С тех пор, как у нас брошен был лозунг «полицию на войну», отношения между нижней публикой и полицейскими чрезвычайно обострились. Вообще укор «чего не идешь на войну» раздается при всяком удобном случае».

Такое обострение отношений между войском и полицией объяснялось тем, что полиция, не участвуя в отражении «внешнего врага», выполняла функции «пресечения и подавления» «внутреннего врага», каковыми считали себя и солдаты, в своем подавляющем большинстве принадлежавшие к тем классам населения, которые в мирное время весьма враждебно относились к полиции.

Если выступления против полиции носят еще стихийный характер протеста против ближайших к населению представителей самодержавной власти, то в других разговорах и письмах солдаты пытаются дать оценку политических событий и войны.

Рядовой 209-го пехотного Богородского полка Ст. Гржесюк 4 декабря 1916 года в землянке говорил: «Мы к войне не готовились, а только строили церкви и разводили попов, а немцы строили пулеметы и пушки; теперь придется грудью отражать наступление врага, без оружия, а государь император и вся царская фамилия живет себе в Петрограде... Я три раза был ранен, и если еще придется при таких условиях воевать, то сдамся в плен».

«12 января 1917 года заведывающим контрразведочным пунктом штаба 5 Сибирского армейского корпуса были получены сведения, что квартирующий в м. Подкамень фельдфебель 22-го Сибирского стрелкового полка Дмитрий Каличкин в кругу квартирующих с ним нижних чинов говорил, обсуждая политику войны, что Россия выиграть войну не может, и что солдаты должны устроить революцию, должны завести новый порядок, всех же начальствующих лиц и государя убить. Министры и военные начальствующие лица в России не умеют управлять государственными делами, воруют; в текущую войну страдают только крестьяне, высшие же начальники и министры участия в ней не принимают. В Америке хороший строй правления, без государя. Пока надо терпеть, если же война будет проиграна, свергнуть государя и устроить революцию».

В одном письме солдата-крестьянина в начале 1916 года дается очень яркая характеристика преступности и бессмысленности войны, ведущейся в интересах господствующих классов. Здесь стихийное стремление к миру находит свое четкое обоснование.

«Я чувствую, что вам очень охота узнать про войну, я бы вам все прописал, что я видал и слыхал, какие идут несправедливости. Ведь очень много есть людей, что с удовольствием желают, чтобы война продолжалась дольше, чтобы награбить больше денег, а несметное число людей должны портить свою кровь, терять здоровье, оста-

влять жизнь где-то в поле. И также после их остаются беспризорные дети, человека забирают под страшный гнет, первым долгом ему внушают, что ты будешь защищать царя, отечество и родину, а что такое родина, человек не знает. Хотя он и знает, но не имеет никакой теплоты в душе для защиты. Родиной мы считаем ту, где бываем ублаготворены. У меня тоже на действительной родине где-то есть 60 саж. земли, которую я не засеиваю и с которой мне и на год не хватило бы прокормиться, и отчего где-то жил далеко и зарабатывал на чужой работе себе кусок хлеба. А если не наша работа собственная, тогда в таком случае пусть бы она была немецкая. Нам за свой труд вознаграждение получить безразлично, с кого угодно. Уже все из веры вышли, что у нас не война, а просто только истребление народа. А если считали бы войной и, как оправдываются, что войну начала не Россия, тогда зачем верить немцам и лезть на врага, а от него нужно только защищаться, а не чуть ли было лезть в ненужные места, как, например, Карпаты, в Пруссию, на природные горы, Дарданеллы, а там погибло миллионы людей. Зачем нам наступление и атаки? Благодаря дурного расчета немец забрал весь Западный край и гнал, как сумасшедший. У нас всего нехватило, бежали без штанов 1.000 верст.

В газетах сообщают, что оружие не будет сложено до тех пор, пока не будет сломлен враг, а голыми руками сломать нельзя. Из нас никто не

жалеет, что забран германцами, а только каждый желает мира. Нам бесполезно, хотя взяли что-либо у неприятеля, все равно будет все казенное и помещиков. Как мы отступали, проезжали массу имений по несколько квадратных верст, а одно имение некоторого графа Бржицкого — мы ехали через него полторы недели, считая по 20 верст в день. Вот этим людям есть и родина, и отечество»[1].

В приведенных выше разговорах некоторые представители солдатской массы совершенно ясно сознавали необходимость активного революционного выступления против войны.

Эти выступления они начинают связывать с выступлением в тылу. «Все полки говорят, что довольно воевать, просят мира, — пишет в письме отцу один солдат. — Если солдаты не замирят, то мира скоро не будет. Везде пошли забастовки, в Петрограде и Москве идут бунты, може, скоро мир будет». Агентурные записки в апреле 1916 года передавали такие разговоры среди солдат в Новом Петергофе: «Война продлится недолго, скоро оружие повернется против

---

[1] Текст письма приводим с сохранением орфографических особенностей. Автор письма—крестьянин Федор Беляков, ефрейтор 7-го Сибирского саперного батальона. Письмо написано им в начале 1916 года. Суд признал Белякова виновным в том, что он высказывал в письме суждения, которые „могли возбудить к неповиновению закону, возлагающему на каждого русского подданного обязанность защиты престола и родины, и к вражде между крестьянским и дворянским сословиями“, и присудил его к отдаче в дисциплинарный батальон на два года.

правительства; в Германии уже началась революция, и как только там достигнут успеха, то и мы последуем примеру Германии».

В письмах солдат на родину, относящихся даже к более раннему времени, находим прямой призыв: «начинайте вести бунт». «Пропишу вам относительно бунтов внутри России, так чтобы все сделали так аккуратно относительно этого, чтобы делали бунт, чтобы делали скорее мир. Мы только ждем этого, как только начнутся внутри России бунты, так мы забастуем, более не будем воевать».

Сами стихийные протесты против войны, в частности сдача в плен, начинают рассматриваться, как средство скорее окончить войну.

«29-го ноября 1916 года в деревню Красно приезжал офицер Олонецкого полка с двумя конными разведчиками для закупки картофеля, при чем один из разведчиков, зайдя в халупу, где были некоторые из 15 пехотного Шлиссельбургского полка, стал говорить о том, что из их полка ушла в плен к австрийцам в полном составе застава в 31 человек, что за «олонцев вы должны бога молить, так как если бы они не бунтовали, то вы бы сидели не жравши, это все они стараются, а вы сидите». При этом он рассказывал, что они забросали кухню бомбами, что после ухода в плен заставы к ним приезжал начальник дивизии, и ему доложили нижние чины на расспросе его о том, что за причина добровольного ухода в плен солдат, что, во-первых, сапог нет,

во-вторых, плохо кормят и, в-третьих, третий год воюют, и все надоело, и что если будут такие же условия дальше, то и остальные уйдут в плен».

«За распространение слухов, могущих произвести беспорядки, крестьянин Василий Гузинов был приговорен к переводу в разряд штрафованных и заключению в военную тюрьму на 1 месяц».

Гораздо более тяжело поплатился за подобные разговоры солдат 186 пехотного Асландузского полка Янкель Юхвиц.

«20 октября 1916 года на замечание офицера о мокрой шинели он ответил, что высушит ее после войны. Когда офицер и нижние чины стали говорить, что война еще не скоро кончится, он возразил, говоря, что война окончится, так как в России нет больше резервов, нет хлеба, и в армии безобразия. Тогда же стал роптать на тягость службы и на плохую пищу и начал доказывать, что гораздо лучше сдаваться в плен, так как в этом случае скорее окончится война. Когда офицер велел ему замолчать, заочно обозвал его дураком и назвал дураками всех офицеров и нижних чинов, которые воюют».

Я. Юхвиц был приговорен к смертной казни через расстреляние. Приговор был утвержден 4 февраля 1917 года и 21 приведен в исполнение.

Рост сознательного отношения к войне и самодержавию в солдатской массе не мог, конечно, пройти незамеченным для военного начальства. «Ухудшение настроения среди нижних чи-

нов, — сообщал в своем донесении исполняющий должность начальника штаба Двинского военного округа, — навеяно не тяготами военной службы, а присутствием среди них революционных элементов, начавших агитацию с целью преждевременного заключения мира».

Разложение армии, как результат исключительно «пораженческой пропаганды», — таково мнение большинства лиц командного состава.

Отмечая симптомы разложения армии, в частности отказ некоторых частей армий Северного фронта итти в наступление, генерал Н. Рузский считает их результатом не повысившегося революционного настроения широких групп тылового населения, а пропаганды, ведущейся в г. Риге и других ближайших к фронту местностях. В недавно вышедших воспоминаниях А. Брусилова мы находим примерно такую же мысль. К февральской революции, по его мнению, «войска были еще строго дисциплинированы... были в твердом настроении духа, и на них можно было надеяться»; исключением, по его словам, был лишь 7-ой Сибирский корпус, который «был в колеблющемся настроении». Поэтому особенное значение он придает появившемуся после февральской революции «приказу № 1» и декларации прав солдата, которыми была «разрушена» армия. Вывод из этих сопоставлений получается такой: вся армия к началу 1917 года была боеспособна и строго дисциплинирована. Симптомы разложения были лишь случайным явлением, вызванным исключительно

«пораженческой» пропагандой. Большое значение последней, как особенно важному фактору в деле «разложения» армии, придают и другие представители командного состава. При этом проникновение пропаганды некоторые из них относили к очень раннему времени. Об этом свидетельствует такой приказ по Двинскому военному округу от 21 декабря 1914 года:

«Командующий первой армией донес главнокомандующему Северо-Западного фронта, что с прибытием маршевых команд в войска наблюдаются признаки социалистической пропаганды. В устранение упомянутой преступной деятельности, предписываю всем подлежащим начальникам частей, управлений и заведений принять немедленно же самые решительные меры против возможного проявления революционной деятельности в частях войск вверенного мне округа. Особенное внимание надлежит обратить в отношении наблюдения за пропагандой в этапах».

Изложенные нами ранее факты говорят о том, что не следует слишком преувеличивать значение пропаганды.

Эти факты показывают, что сознательное отношение к войне и политическим событиям развивалось в солдатской массе вследствие целого ряда причин, независимо от какой-либо пропаганды. Конечно, это сознательное отношение к окружающей его действительности делало солдата восприимчивым к пропаганде и создавало почву для организации планомерной борьбы за армию.

Необходимость овладеть армией, как последним оплотом самодержавия, совершенно ясно сознавалась буржуазией, вступившей на путь борьбы с царизмом. Однако, опасаясь революционного выступления масс, буржуазия стремилась захватить власть без участия этих масс. Такое настроение буржуазии очень хорошо передает А. Гучков в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии. Говоря о возможных формах переворота и об участии в этом перевороте армии, он сообщает: «Я был убежден, что армия, как один человек, за малым исключением, станет на сторону переворота... Если бы дело шло о том, чтобы поднять военное восстание... будь-то на Северном или Румынском фронте, такое дело оказалось бы чрезвычайно легким... но все-таки мы не желали бы касаться солдатских масс».

Являясь противником той формы переворота, «в которой это и совершилось», — стихийной формы поднятия народных масс, — А. Гучков считает более приемлемым «путь военного переворота, совершенного не солдатскими массами, а воинскими частями». «Вина русского общества заключается в том, что переворот был сделан не руководящими классами общества, не политическими и общественными деятелями, не верхами армии, а был сделан стихийными массами». Овладеть армией через командный состав, не разрушая тех форм, в которых армия существовала при царизме, — таковы цели и задачи буржуазии. Обращение к массам грозило разрушить дисциплину,

обеспечивающую слепое, нерассуждающее повиновение солдатской массы господствующим классам.

На успех овладения армией мирным путем, через офицерство, представители буржуазии могли рассчитывать потому, что, как мы указывали выше, еще до начала войны классовый состав офицерства значительно изменился и в нем было достаточно элементов, связанных с оппозиционной буржуазией. Однако попытки создать какую-либо прочную широкую организацию в офицерской среде были безуспешны. Некоторый успех имела идея дворцового переворота, которая с особенной силой возродилась накануне февральского переворота. В разработке планов дворцового переворота, помимо представителей высшего командного состава и крупной буржуазии, принимали участие, повидимому, офицеры некоторых гвардейских частей.

Если буржуазия в своей борьбе за армию стремилась опереться на командный состав, то овладение солдатской массой было задачей той партии, которая с самого начала войны совершенно четко определила свое отношение к ней. Партия большевиков выдвинула лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую. Отсюда вытекала необходимость усилить работу в войсках, вести пропаганду «во имя борьбы революционной части войска с широким движением пролетариата» (Ленин).

Меньшевистские и эсеровские партийные центры решительно встали на оборонческую точку зрения, что, конечно, исключало возможность какой-либо работы среди войска. Описывая деятельность социал-демократов в Ревеле, где преобладающее значение приобрели меньшевики, агентурная записка сообщала: «С объявлением войны рабочее движение замерло. Группа местных социал-демократов бездействует, и ни активной агитации, ни прокламаций, ни собраний в Ревеле за последнее время не было». Совсем другая картина развертывалась там, где преобладающее значение принадлежало большевикам. Там с самых же первых дней войны начинают распространяться листовки против войны и царского правительства, делаются попытки войти в непосредственное соприкосновение с солдатами, кое-где даже возникают новые военные организации или восстанавливаются старые. Вот как эта деятельность большевиков рисуется в «сношении» дежурного генерала при верховном главнокомандующем с начальником штаба Кавказской армии от 25 ноября 1914 года:

«По представленным из департамента полиции сведениям, устанавливается, что РСДРП, стремящаяся к ниспровержению существующего строя, с начала открытия военных действий занялась пропагандой идеи о необходимости скорейшего окончания войны, выставляя побудительным для того мотивом опасность укрепления, в случае победы, самодержавного строя. В принятой на конференции названной партии резолюции указывается, что

«с точки зрения рабочего класса и трудовых масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск». «Лозунгом социал-демократии в настоящее время должно быть: всесторонняя распространяющаяся в войско и на театр военных действий пропаганда социалистической революции, безусловная необходимость организации для такой пропаганды нелегальных ячеек и групп в войсках и пропаганда республики». В целях распространения изложенных идей с.-д. партией были изготовлены две прокламации к нижним чинам и студенчеству, в которых в возмутительной по содержанию форме развивались те же идеи вооруженной борьбы с правительством.

Ознакомившись с изложенными сведениями, начальник штаба верховного главнокомандующего приказал сообщить о сем вашему превосходительству для принятия самых энергичных мер против пропаганды, следя за всякими организациями и добровольцами из студентов».

На ряду с большевиками пропаганду в войсках вели группы эсеров, стоявшие на интернационалистической точке зрения. В некоторых местах они действовали вместе с большевиками, в других составляли свои собственные военные организации (например, в районе XII армии распространялись листовки «северной военной организации партии эсеров»). Однако, по свидетельству агентурных записок, «особенно успешно поставлено дело социал-демократов. Социалисты-рево-

люционеры довольствуются старой литературой или издают гектографированные воззвания». Наконец, некоторую деятельность развивали отдельные группы анархистов. Остановимся несколько на тех скудных сведениях, которые дошли до нас о работе большевиков в армии во время войны.

Петербургская организация большевиков с первых же дней войны, несмотря на полицейские разгромы, широко развернула антивоенную работу. Многие из выпущенных ею листовок непосредственно обращались к солдатам. Удалось завязать связи с отдельными полками петроградского гарнизона. Особенно тесные связи установились с моряками Балтийского флота. Здесь в 1915 году почти на каждом корабле действовали социал-демократические коллективы, входившие в состав руководящего «Главного коллектива». Связь с Петербургским комитетом поддерживалась через Кирилла Орлова (Ив. Егорова). Эта связь была идейно-организационная, так как вся революционная работа велась самими моряками. Разгром военной организации моряков, после неудавшегося стихийного восстания линейного корабля «Гангут» и других судов, не прекратил большевистской работы, которая в 1916 году снова восстанавливается. О работе среди сухопутных частей Петрограда известно гораздо меньше. Здесь не было такой прочной организации, как во флоте. Военная работа велась как членами военной организации, так и работниками общепролетарской организации. Через мобилизованных

партийцев удалось наладить связь с фронтовыми частями и пересылать туда партийную литературу. Кроме петербургской организации большевиков, военную работу вел Петроградский междурайонный комитет объединенных социал-демократов («Межрайонка»), образовавший военную группу, которая выпускала листовки и завязывала связи с отдельными частями.

Широкую активную работу развернула среди войск Северного фронта социал-демократия Латышского края. В резолюции IV конгресса социал-демократии Латышского края большое внимание уделено агитации в армии. В этой резолюции между прочим сказано, что «партия должна использовать все сношения с сознательными или с сочувствующими социал-демократии солдатами и дать толчок для образования в казармах организации, стремиться связывать эти солдатские организации с партийными учреждениями и снабжать их агитационной литературой». Среди литературы, выпущенной как Центральным, так и некоторыми местными (главным образом рижским) комитетами, значительное число обращено «к новобранцам», «к солдатам» и «к уходящим на войну». И если прочной военной организации создать не удалось, то связь с отдельными частями установилась довольно тесная, о чем свидетельствуют получаемые партийными организациями письма от солдат.

Из других крупных партийных центров, где велась особенно энергичная работа в войсках, мож-

но отметить Смоленскую организацию. Здесь был расположен ряд специальных частей и мастерских, благодаря чему в составе гарнизона было много рабочих. Среди них возникла мысль о создании военной организации. Такая организация возникла в 1916 году. В нее входили как большевики, так и эсеры, стоявшие на интернационалистической точке зрения. Такая же объединенная военная организация, под наименованием «Военно-социалистический союз», возникла в Томске по инициативе призванных в войска ссыльно-поселенцев Нарымской ссылки.

Была попытка создания тоже объединенной «Южной военной организации» в Чернигове. Если в других партийных центрах военные организации и не возникали, то все же везде велась работа среди солдат, выпускались листовки, которые широко распространялись в армии. Особенное значение имела личная инициатива отдельных призванных в армию партийных работников, которые вели агитацию в своей части и поддерживали деятельную связь со своими партийными организациями. О такой работе отдельных большевиков-партийцев дошли до нас их воспоминания и свидетельства современников (А. Пирейко, А. С. Раков, С. М. Нахимсон, П. Ф. Федотов-Двинец и другие).

Боязнь социалистической пропаганды в армии заставляла военное начальство принимать решительные меры борьбы с нею. Уже в самом начале войны были разосланы следующие циркуля-

ры управления по делам о воинской повинности с напоминанием о мерах, применявшихся еще при призыве 1906—1913 годов.

«В видах пресечения новобранцам, в особенности из фабричных и заводских рабочих и лиц, находившихся в отхожих промыслах, возможности приносить с собой в войсковые части преступные прокламации и вообще произведения нелегальной литературы, министерством внутренних дел в призыве 1906—1913 г. было предложено начальникам губерний и областей сделать распоряжение о производстве чинами полиции отдельных осмотров вещей тех из призывных, относительно коих возникает подозрение о нахождении у них прокламаций или запрещенных изданий.

При этом министерством указывалось, что подобные осмотры должны быть производимы с полной осмотрительностью и по возможности без излишней огласки, во избежание возникновения со стороны призывных каких-либо неудовольствий и столкновения их с чинами полиции. Независимо от сего для призыва 1913 года был установлен, по соглашению министерств военного, внутренних дел и юстиции, особый порядок проверки не только политической благонадежности новобранцев, предназначенных уездными воинскими начальниками в войска гвардии и в I-й железнодорожный батальон, но сведений о судимости, о чем вашему превосходительству было сообщено циркуляром м. в. д. от 7/X 1913 года за № 72. Признав, по соглашению с военным министром,

соответствующим применить означенные меры и в призыв текущего года, прошу ваше превосходительство сделать надлежащее распоряжение к неукоснительному соблюдению подведомственными вам учреждениями циркуляров м. в. д. 1913 года за №№ 61 и 72».

В дальнейшем приходилось применять целый ряд особых мероприятий для борьбы с пропагандой.

Одной из мер было «изъятие» из распропагандированной части политически неблагонадежных элементов. В июле 1915 года «все матросы, находившиеся в 1-м Балтийском флотском экипаже под надзором, в виду указания на их политическую неблагонадежность, были отправлены в действующую армию на пополнение убыли в составе морских батальонов». Другими мерами были разъяснения солдатам в приказах значения «врага внутреннего», указание на рабочие забастовки, несомненно действующие особенно сильно на революционизирование армии, как на происки германцев. Наконец, установление самого строгого контроля над всеми сторонами жизни солдата. Для иллюстрации последнего пункта считается не лишним привести рапорт командира 89-й пешей Вологодской дружины начальнику 15-й бригады госуд. ополчения:

«На общем собрании гг. офицеров мною была разъяснена важность содержания бумаги начальника штаба петроградского военного округа от 23 марта, при чем приказано мною ротным коман-

дирам прочитывать лично всю корреспонденцию, получаемую нижними чинами, учредить самый строгий надзор за нижними чинами, прибывающими на укомплектование дружины из жителей г. Петрограда, проследить, с кем они ведут знакомство, кто их посещает в казармах и о чем ведут разговоры, предложить распространять получаемый в ротах журнал «Унтер-офицер», где подробно описывается содержание наших в плену, какие они переживают муки и какой позор и стыд попасть в плен, учредить самый строгий надзор за продавцами газет и журналов, чтобы каждый из них имел законное разрешение на продажу, и просматривать имеющиеся у них газеты и журналы не только ротным командирам, но и всем прочим офицерам».

Помимо частных мероприятий, представители высшего командного состава стремились выработать целый ряд общих мер. В письме главнокомандующего армиями Северного фронта генерала Н. В. Рузского командующему XII армией генералу Радко-Дмитриеву рекомендуется «принять решительные меры к организации планомерной борьбы с пропагандой, основывая эту борьбу на изучении тех источников, из коих идет преступная пропаганда, путем тщательной проверки связи уличенных и заподозренных в пацифизме нижних чинов, а равно сокращения до пределов крайней необходимости посещений нижними чинами г. Риги, и обязать ближайших строевых началь-

ников при помощи бесед и более тесного общения с подчиненными разъяснять им враждебное происхождение пропаганды мира».

Такую общую программу мероприятий по борьбе с пропагандой дает отношение временно исполняющего должность начальника штаба верховного главнокомандующего армией Юго-зап. фронта. В эту программу входят беседы командиров частей с младшими офицерами, проповеди священников, беседы с солдатами (при чем подробно сообщаются и темы их), извлечение из армии неблагонадежных элементов и т. д. При некоторых армиях организованы были особые совещания по выработке мер борьбы с пропагандой.

Но, конечно, как бы энергично ни велась борьба с пропагандой, она не могла предотвратить разложение армии, которое, как мы старались показать, обусловливалось стихийным ходом экономических и политических событий. В этом стихийном процессе роль пропаганды состояла не в том, чтобы охватить всю широкую массу войска, что, конечно, было невозможно, а чтобы подготовить в ее рядах такой слой, который после революции несомненно сыграл бы крупную роль в деле овладения армией. Как справедливо отметил автор «письма с фронта», перехваченного департаментом полиции почти накануне революции, «армия в тылу и в особенности на фронте полна элементами, из которых одни способны стать активною силою восстания, а другие могут лишь отказаться от усмирительных действий, но при

достаточной организованности первых едва ли в армии найдутся в достаточном количестве элементы, способные стать активной контрреволюционной силой правительства».

IV.

Активное выступление против войны. — Волнения в тыловых частях. — Восстания на фронте.

Резко оппозиционное настроение солдатской массы, жажда мира и ненависть к командному составу и самодержавному строю легко могли вылиться в открытые, не только единичные, но и массовые выступления.

Выступления тыловых частей были особенно тесно связаны с рабочим движением. Состав запасных батальонов, значительно пополненный призывом запасных и ратников из числа рабочих, непосредственные впечатления от рабочих демонстраций, наконец, пропаганда — все это оказывало сильное влияние на революционизирование солдатской массы. Обращение полиции к воинским частям за содействием для борьбы с рабочими выступлениями играло также немалую роль.

Первое такое выступление солдат относится к 9 января 1916 года. В этот день по инициативе Петербургского комитета большевиков предположено было организовать массовую политическую забастовку. Партийными работниками сделаны были попытки привлечь солдат к участию в демон-

страции. По получении сведений о готовящемся выступлении, полицией были произведены массовые аресты среди членов партии, в том числе были арестованы те члены партии, которые вели пропаганду в войсках. Несмотря на все это, 9 января выступление рабочих состоялось. В этот день Петербургскому комитету большевиков удалось выпустить две листовки с призывом к единению солдат с народом.

Наиболее распропагандированной, по мнению охранки, была часть, расположенная в Новочеркасских казармах, а также 17-я автомобильная и запасная самокатная роты. Во время демонстрации было несколько случаев встречи рабочих и солдат. Некоторые из этих случаев показали, что солдаты готовы оказать рабочим поддержку. Так, при одной такой встрече с моторными обозами, везшими солдат, произошел обмен приветствиями. Солдаты кричали «ура» и «долой войну». По сообщению охранки, шофер военного автомобиля умышленно направил мотор на взвод жандармов и свалил одного из них вместе с лошадью.

На другой день, 10 января, в грандиозном шествии более чем тысячной толпы участвовало 300—400 солдат, что подействовало на полицию, не решившуюся разогнать демонстрацию. Кроме этих открытых выражений сочувствия солдат рабочим выступлениям, имеется еще ряд указаний на то, что и в других воинских частях ждали и готовились ко дню 9 января. Сводка агентурных сведений от начала января 1916 года сообщает, что

среди солдат кронштадтской электромеханической роты распространялись прокламации Петербургского комитета РСДРП. Солдаты их с интересом читали и ожидали выступления 9 января. Прокламации распространялись и в 1-м артиллерийском кронштадтском полку, где в то же время ожидали прибытия лица «для вербовки солдат кронштадтского гарнизона в петербургскую подпольную организацию социал-демократов». Передавались разговоры, что 9 января в Кронштадте ожидался бунт на кораблях при участии сухопутного гарнизона, но что он отложен до 9 февраля. Все эти слухи и разговоры показывали, что идея совместного выступления солдат с рабочими была популярна, но недостаточная подготовка, отсутствие связи между частями, аресты видных работников военной соц.-демократической организации помешали этим настроениям вылиться в более решительные формы.

Другим выступлением солдат с активной поддержкой рабочих было выступление 181-го пехотного запасного полка осенью 1916 года. Полк в значительной своей части состоял из мобилизованных рабочих, среди которых было несколько лиц, поддерживавших тесную связь с партийными организациями. Уже в начале 1916 года в полку усиленно распространялись прокламации. Расквартирован полк был на Выборгской стороне, рядом с заводом «Новый Лесснер», благодаря чему и установилась тесная связь и общение солдат с рабочими.

17 октября началась забастовка на автомобильном заводе «Рено». Рабочие пошли снимать и другие заводы. Особенно большие толпы рабочих скопились у завода «Новый Лесснер». Среди рабочих были отдельные солдаты. Когда полиция стала нападать на толпу рабочих с шашками и нагайками, солдаты, находившиеся в соседних с заводом казармах, разломали забор и вместе с рабочими разогнали полицию.

В тот же день, в пятом часу дня, на большом Сампсониевском проспекте, между Флюговым переулком и Батениной улицей, нижние чины 181-го запасного пехотного полка, вооруженные винтовками, остановили проезжавший автомобиль инженера В. В. Барановского, бросили в него несколько камней, легко ранили Барановского и потребовали передать им автомобиль. Инженер Барановский и шофер, опасаясь нападения со стороны вооруженных «нижних чинов», сошли с автомобиля, в который сели солдаты и уехали по направлению к Лесному. Спустя некоторое время видели, как по Лесному проспекту в город проезжал автомобиль Барановского, управляемый одним из отнявших его солдат.

Как мы видели выше, ненависть солдат к полиции была общим ярко выраженным настроением армейской массы как в тылу, так и на фронте. В казарме солдаты говорили: «Скоро наступит время, когда все городовые и жандармы будут переколоты, так как если их не берут войну, то они бесполезны».

Мы уже приводили солдатские разговоры и письма, показывающие, что многими солдатами совершенно ясно сознавалась необходимость активного революционного выступления против войны. Необходимо было только объединиться, чтобы совместными усилиями фронта и тыла добиться желаемого. Отчетливое выражение этой мысли находим в письме солдата, отправленного на фронт в июне 1915 года: «Мир можно сделать самим всем войскам, ружья к ноге, довольно, год побили нашего брата безо всякой пользы, половина России калек и сирот. Надо писать прокламации во все части войск, чтобы все войска согласовались больше не воевать, тогда может скоро мир быть. Пишите на все фронты знакомым, чтобы они передавали друг другу, и тогда будет согласие, совсем скоро тогда будет мир».

В 1916 году мы встречаем любопытную попытку воздействия на других солдат путем распространения листовок. Эти рукописные листовки написаны были самими солдатами и вместе с приведенными выше письмами являются характерными человеческими документами.

16 ноября 1916 года в окопах, занятых раньше 12 ротой 482-го Жиздринского полка, были найдены две листовки такого содержания:

«Братцы. Мы предостерегаем вас и передаем чтобы вы не ходили в наступление и если вы пайдете и наш полк пригонят на поддержку, то мы будем наступать на вас патрон для вас хватит. Нам нужен мир а не войну и уже настало время

канчать ее, долой войну нам нужен мир передайте всему вашему полку, что наступление не должно быть никакова и никогда, и если вас будут посылать в наступление то стреляйте их всех.

«Братцы. Докаково времени мы будем вести войну вот уже пять месяцев на третий год как мы и наши братья и отцы страдаем и убивают нас не за что. Братцы падумайте неужели мы кравожадные звери чтобы убивать людей ведь это все напрасно. Настало время окончить вайну и это все в наших руках падумайте как мы харашо вооружоны и мы молчим и теряем время.

Братцы, ведь ясно, что все продано, а нас заставляют отбивать но не думайте что если будем мы наступать не для того чтобы пабидить Германию, а для того чтобы пабить нас но мы должны кончить войну, пусть тот воюет кто сумел продать, а нам нет никакова смысла и если вас будут посылать в наступление то неходите ни один пусть тот идет кто будет посылать вас. Помните если вы пайдете наступать и наш полк пригонют на паддержку к вам то мы из вас не одного в живых не оставим вы будете наступать на немца, мы на вас и на ваше начальство, просим передать всему вашему полку.

Пребываем с пачтением к вам 482-й Жиздринский пех. полк» [1].

---

[1] Листовки печатаем с сохранением стилистических и орфографических особенностей подлинника.

На следующий день, 17 ноября, задержано было письмо рядового Ефима Андрейкина к отцу крестьянину, в котором он, жалуясь на тяжелую солдатскую жизнь, между прочим сообщал:

«Пока, тятинька, в наступлении не были, да и бог бы не дал быть; не хотят идти солдаты. Зделали забастовку. Все полки говорят, что довольно воевать, просят мир. Если солдаты не замирят, то мира скоро не будет. Везде пошли забастовки, в Питрограде и Москве идут бунты, може скоро мир будет».

На допросе Андрейкин показал, что «писал не по своему соображению, а об этом часто и много говорили». Далее он сообщил, что, когда полк стоял на позиции в ноябре, «Ананьев-санитар писал бумажку, которую потом прочитал, и в ней было написано, чтобы не ходили в наступление и время кончать войну, а дальше, что писал, не помню. А рядовой, фамилию не могу припомнить, отнес эту бумажку в окопы. Читал эту бумажку в блиндаже и не одному мне, а тут были рядовые 13-й роты Орлов, Терентьев, Воронин, да все было первое отделение 4-го взвода. Ананьев и другой, фамилию не помню, шустрый такой молодой парень, часто говорили о том, чтобы кончать войну и не ходить в наступление».

От призыва был уже только один шаг к массовому выступлению.

В эпоху империалистической войны, как в революцию 1905 года, матросы, комплектовавшиеся главным образом из фабрично-заводского проле-

тариата, культурный уровень которых в массе был значительно выше армейца, идут во главе военного движения.

На судах шли разговоры о положении матросов, которое было, по словам моряков, «несравненно хуже, чем в других странах, в виду чего надлежит организовать забастовку; царь не смотрит за кровопийцами, которые пьют нашу кровь; подождем еще немного, а там возьмемся за дело».

К осени 1915 года окрепли большевистские организации во флоте, на деятельность которых обращает внимание агентура морского района, отмечающая в своих сводках «усиление деятельнсости революционных ячеек социал-демократического направления» среди судовых команд Балтийского флота. В это время имелись на большинстве судов Балтийского флота, а также в береговых командах Петрограда, Кронштадта, Свеаборга, Ревеля и других портов Балтийского моря коллективы РСДРП(б).

Партийные работники направили свою деятельность на разъяснение текущих событий и стремились связать общее массовое выступление матросов с активным выступлением пролетариата.

Начало массовых выступлений матросов, предъявлявших требования преимущественно экономического и профессионального характера, следует отнести к осени 1915 года.

Революционное настроение охватывает отдельные суда, и целые команды вступают на путь активной революционной борьбы. Значительные

волнения произошли среди команд крейсеров «Громобой», «Баян».

Адмирал Курош, пытавшийся водворить порядок во «вверенном» ему отряде крейсеров, кричал на матросов и грозил их повесить. На это матросы отвечали, «что их тысячи, всех не перевешать, скорее сам адмирал будет ими повешен».

Несколько позже волнения охватывают и другие суда: линейный корабль «Император Павел I», «Россию», учебное судно «Двина», команды которых требовали улучшения пищи и более гуманного обращения офицеров с матросами.

Адмирал Курош, требовавший выдачи зачинщиков, был встречен на крейсере «Россия» криками: «Теперь не 1905 год, все матросы поумнели, теперь не запугать», и угрозами, «что раньше, чем контр-адмирал Курош выполнит свою угрозу об их расстреле, они выкинут его за борт».

В октябре 1915 года вспыхнули волнения на линейном корабле «Гангут», команда которого отказалась подчиняться распоряжениям начальства и предъявила определенные требования. Происходившие на «Гангуте» беспорядки, по словам агентурной записки, вызвали сильное волнение среди матросов всех судов Балтийского флота и береговых команд, при чем среди них возникли толки о необходимости освобождения арестованных; на всех судах флота команды решили предъявить те же требования во время зимней стоянки судов, а если эти требования не будут удовлетворены, объявить общую забастовку. «Пропаганда на эту

тему усиленно ведется не только среди нижних чинов флота, — читаем в агентурной записке, — но и среди сухопутных частей Кронштадтского гарнизона, который также высказывается за необходимость принять участие в протесте одновременно с флотом».

Руководители и зачинщики революционных выступлений были преданы суду, а многие матросы, находившиеся «под надзором» в виду указания на их политическую неблагонадежность, были отправлены в действующую армию на пополнение убыли в составе морских батальонов.

Эти моряки и приняли участие в первом крупном восстании солдат, развернувшемся в Гомеле в двадцатых числах октября 1916 года.

В этом восстании, помимо матросов, которые, по словам начальника пункта, «зарекомендовали себя неисправимыми», принимали участие также и донские казаки, которые «отличались несоблюдением правил чинопочитания».

Ближайшим поводом выступления солдат послужило приказание об аресте казака 40-го Донского казачьего полка Никифора Басакина, не отдавшего чести начальнику пункта. Казаки заступились за своего товарища, заявили начальству, что не допустят ареста Басакина, и «вызывающе» кричали: «Мы на войне кровь проливаем, а вы здесь за что-то арестовываете». В то же время со стороны казаков раздалось обращение к другим «нижним чинам»: «Что же вы, братцы, смотрите, мы вот здесь страдаем, а они вот что

делают». Увещевания офицеров были безуспешны. По приказанию начальника пункта прапорщик Кузмичев с командой в составе десяти «нижних чинов» пытался арестовать Басакина. Но когда прапорщик Кузмичев явился к бараку № 1, то он увидел, что барак окружен громадной толпой солдат, которая кричала, что «не дадут товарища», и призывала других «нижних чинов», в числе около 3.000 человек, помогать им. Особенно выдавался «по своей дерзости» казак Жорин. Жорин, по словам обвинительного акта, «открыто возбуждая толпу», говорил, что он однажды «задал двум пехотным офицерам так, что они всю жизнь будут помнить казацкую нагайку». На слова начальника пункта: «Помни, ты за свое поведение будешь повешен», Жорин ответил: «Помирать все равно один раз, а пока мы вас поучим».

Толпа, поддерживая Жорина, кричала: «Бей их, кровопийцев, довольно войны». Толпа протестантов росла. Начальник пункта и дежурный офицер пытались все же арестовать Басакина и успокоить бушевавшую толпу при помощи еще верных военным властям «нижних чинов». Офицеры были встречены ружейной пальбой, а затем было брошено в одного из них несколько кирпичей. Часть толпы кинулась на гауптвахту, обезоружила находившихся там часовых и, разбив окна в камерах арестованных, освободила их.

В это время подошла вызванная для усмирения беспорядков 1-ая рота 483 пешей Московской

дружины, которая, согласно полученному приказанию, оцепила караульный двор, чтоб воспрепятствовать побегу оставшихся еще там арестованных.

По прибытии роты, толпа восставших частью рассеялась, частью же двинулась к главным воротам, где находилась прибывшая на усмирение караульная команда. Нахлынувшая толпа восставших оттеснила за ворота прибывшую на усмирение караульную команду, которая отбежала к гарнизонной гауптвахте, где была остановлена выбежавшим навстречу ей фельдфебелем Бондаренко. По приказанию фельдфебеля команда была рассыпана в цепь и открыла огонь по восставшим. Последние, в свою очередь, дали несколько залпов по караульной команде. Спустя некоторое время прибыли вызванные для усмирения две роты «инородцев», которым удалось рассеять восставших.

Подавление восстания не прекратило, однако, брожения на пункте. Солдаты продолжали волноваться. Начальник пункта, обеспокоенный «неблагонадежным» настроением пересыльных солдат, обратился к начальнику гарнизона с просьбой сделать распоряжение, чтобы полиция оказывала содействие военным властям в деле наблюдения за солдатской массой, вышедшей из повиновения командному составу.

По требованию начальника гарнизона, 26 октября 1916 года от полиции был выслан наряд, который производил обыски в домах близ пункта.

Бродившие в этой местности солдаты, заметив полицию, стали собираться в группы. Полицейский наряд на Первой Госпитальной улице был встречен толпой вооруженных камнями и палками «нижних чинов» человек в двести, которые с криками «Ура! Бей полицию!» кинулись на полицейский наряд. Последний бросился бежать; трое городовых забежали в один из дворов на Госпитальной улице и заперли за собой ворота. Толпа стала ломиться в ворота и бить стекла в этом доме. Один из городовых произвел два выстрела. Толпа с криком «двоих наших убила полиция» бросилась к пункту. Услышав шум и крики, дежурный офицер тотчас же доложил об этом начальнику пункта, с которым и вышел во двор, где у барака собралась кучка пересыльных. На вопрос начальника пункта: «В чем дело, ребята?» — послышались крики: «Нас убивают, не дадим. Городовые двух солдат убили». Раздался звон разбиваемых стекол, и из бараков в панике выбегали «нижние чины». На вопросы офицеров: «Что случилось?»—солдаты отвечали: «Из бараков выгоняют палками, шашками, кирпичами». Толпа протестантов росла и «приказание разойтись, — по словам начальника пункта, — не производило никакого впечатления». Начальник пункта поставил у ворот взвод от кадра «инородческих команд» и донес по телефону о вспыхнувшем среди «пересыльных» волнений начальнику гарнизона. Толпа восставших ворвалась на гауптвахту, захватила винтовки караульных, освободила арестованных и

разгромила вновь канцелярию судной части. Толпа (около 1.000 человек) остановилась посреди двора и открыла пальбу. Завязалась перестрелка между ротой кадра «инородцев» и «мятежниками». Прошло полчаса. Часть восставших направилась к 143 тыловому этапу, но не была туда допущена выставленной охраной. «Мятежники», рассчитывая на поддержку других частей, квартировавших в Гомеле, направились к 224 роте 43-го рабочего батальона и требовали присоединения ее к возмутившимся. Но эта попытка не имела успеха. Затем восставшие, в числе 500 человек, решили отправиться на вокзал, где имели в виду получить оружие для невооруженных «нижних чинов». Прибывшие в это время в распоряжение начальника пункта «свежие части» рассеяли восставших и произвели массовые аресты среди солдат.

По показаниям некоторых свидетелей, в этом восстании принимали участие и «агитаторы», в числе которых называли, главным образом, добровольца 194-го пехотного запасного батальона Георгия Римского-Корсакова [1].

Наконец, революционное настроение охватывает войсковые части, занимающие окопы. Еще в октябре 1915 года на Западном фронте контр-разведка отмечает «нежелание солдат ходить в атаки, и что вообще как офицерские, так и нижние чины стоят за прекращение войны независимо от результатов таковой».

[1] По делу о восстаниях на гомельском распределительном пункте было расстреляно 11 человек.

Но особенно ярко проявилось это настроение солдатской массы в конце 1916 года, когда на различных участках фронта наблюдались случаи отказа целых войсковых частей итти в наступление. Слухи об отказе войсковых частей исполнять приказания начальства, в распространении которых принимали участие не только солдаты, но и офицеры, немало способствовали росту революционного настроения в армии.

22 октября 1916 года на вечерней поверке в одной из рот 77-го пехотного Тенгинского полка командир роты говорил «о бывших в гвардейском корпусе беспорядках и в частности упомянул наш полк; при этом командир роты предупредил солдат, что распространение слухов об этом вредно нам самим». Под впечатлением этих слов офицера один из «нижних чинов» написал своим родным 1 ноября письмо: «Все-таки последний раз наша дивизия и гвардейский корпус отказались от наступления; довольно воевать, пускай дадут мир».

Все выступления солдат на фронте почти всегда были связаны с прибытием пополнений, служивших связью между окопами и тылом [1].

---

[1] Любопытна характеристика последних пополнений царской армии, сделанная в конце 1916 года командиром 326 пехотного Белгорайского полка: „Люди последних пополнений были плохо обучены, мало дисциплинированы. Эти нижние чины прямо поражают взглядами на войну и, чтобы не сказать более, полным к ней равнодушием".

Солдат в одном из своих писем дает следующую характеристику призыва 1915 года. „Да еще пропишу на счет

Выпадавшие на долю фронтовиков тяготы службы и быта с тем меньшим терпением переносились солдатами, чем больше до них доходило слухов из тыла, в которых отражалась вся политика царского правительства в последние месяцы перед революцией.

Ближайшими поводами выступления были длительное, бессменное пребывание в окопах, острый недостаток обуви и теплой одежды, недостаточная и невкусная пища.

Остановимся на наиболее ярких выступлениях солдат на фронте, имевших место в конце 1916 и в начале 1917 года.

17 ноября 1916 года 1-й и 4-й батальоны 326-го пехотного Белгорайского полка (юго-западный фронт, VIII армия) получили приказание итти в атаку. В ночь на 17 ноября офицеры отправились к своим ротам с целью выводить «нижних чинов» из окопов. Подходя к окнам, офицеры услышали несшиеся оттуда крики: «Не пойдем», «защищать позиции будем до последней капли крови, а в атаку не пойдем, хотя бы нас из пушек расстреливали; мы 9 месяцев на позициях, устали», «смены, отдыха»; «сапог не дают, а в атаку итти заставляют». По словам фельдфебелей и взводных

15 года молодых солдат. Их пригнали на передовую позицию прямо в бой, но немцы стали стрелять из орудий, то они все разбежались и стали сами себя стрелять, так ежели старых солдат не будет, то немцы всю Россию пройдут. Молодые солдаты очень боятся, все бегут, нашей всей дивизии осталось не более полка".

унтер-офицеров, кричали все «нижние чины», но заметить отдельных лиц, вследствие темноты и тесноты в окопах, было невозможно. Когда офицеры подходили к группе кричащих, крики замолкали, но из более отдаленных рядов слышались по адресу офицеров угрозы: «Не ходите, ваше благородие, а то расстреляем». Раздавалось щелканье затворов. Попытки офицеров успокоить солдат были безуспешны. Командующий полком распорядился, вместо 1-го батальона, оставленного в резерве, послать в атаку 3-й. Волнение в полку улеглось. Искали виновных. На этот раз власти обрушились на командующего полком генерал-майора Чижевского, преданного суду по обвинению в том, что он не принял лично мер «к восстановлению порядка и дисциплины в части, а, оставаясь в своей землянке, распорядился послать в атаку, вместо 1-го батальона, отведенного в резерв, 3-й, последствием чего было то, что брожение передалось в другие роты полка, что имело последствием неудачные действия части».

Начальство вступилось за генерала Чижевского, имевшего еще и заслуги в прошлом, когда он в бытность свою капитаном 84-го пехотного Ширванского полка «в тяжелое время беспорядков» (1905 г.) сумел сохранить свою роту от всех попыток «злоумышленников» «развратить нижних чинов» путем «передачи им прокламаций с самыми соблазнительными обещаниями» и воспитать «в нижних чинах чувства преданности царю и родине, сознание долга и святости присяги». В данном же

случае Чижевский «не мог проявить присущей ему твердости», так как «молодой, еще не успевший окрепнуть состав последних пополнений» состоял «из явно неблагонадежного элемента, изъятого по разным причинам из других частей». Эти «смягчающие вину обстоятельства», изложенные в письмах начальства, и освободили генерала Чижевского от грозившего ему суда.

На том же юго-западном фронте, в частях, входящих в состав IX армии, наблюдались также случаи отказа итти в бой.

Пополнение, прибывшее в ноябре 1916 года на укомплектование 409 пехотного Новохоперского полка, также, по словам командира части, отличалось «слабостью дисциплины: во время разбивки люди стояли расставив ноги, разговаривали после команды своих ротных командиров: «смирно» и т. п.». В ротах, куда попали вновь прибывшие солдаты, сразу начались разговоры, — «с явной целью возмутить» своих товарищей, — о тяжести военной службы, бесцельности войны. Отказ «нижних чинов» итти в атаку принудил, по словам командира полка, «прибегать к силе оружия, то-есть я (командир полка) просил для острастки застрелить нескольких человек и тогда пойдут (в атаку) все. Убивать не пришлось, заряженные револьверы в руках у офицеров, видно, на них (солдат) подействовали немного, но как только офицер отвернется, нижние чины старались при перебежках или остаться лежать, или уползти в лес, откуда через день, а то два возвращались в роту».

16 ноября 409-му пехотному полку было приказано занять высоты 1366 и 1350.

«Пройдя половину пути, — рассказывает командир 2-ой роты, — в очень густом тумане, под дождем и снегом, я был остановлен фельдфебелем роты, который доложил мне, что вторая полурота отстала и сидит на склоне высоты 1468». Ротный командир, приказав вести далее 1-ую полуроту младшему офицеру, вернулся к отставшей полуроте и скомандовал: «встать, итти вперед». В толпе «нижних чинов» раздались возгласы: «одеть и накормить некому, а гнать вас много». И только под угрозой револьвера «нижние чины» двинулись вперед.

Во время атаки высоты 1350 командиром роты была подана команда: «Вперед, в атаку! Ура!» В ответ послышались возгласы: «Раньше накорми, потом будем воевать».

Под сильным пулеметным и ружейным огнем все «нижние чины» пополнения, по словам офицеров, «несмотря на принятые командным составом самые строгие меры», «бросились во все стороны и разбежались по лесу и в роту не явились» [1].

Позже, как это видно из письма Н. В. Рузского командующему XII армией Радко-Дмитриеву, имели место случаи отказа итти в бой в войсковых частях 21-го и 2-го сибирских армейских корпусов и 14-й Сибирской стрелковой дивизии.

Войска Рижского района считались наиболее

---

[1] По этому делу было расстреляно 3 человека.

революционно настроенными. На совещании главнокомандующих в ставке 17—18 декабря 1916 года отмечалось:

«Рига и Двинск — несчастье северного фронта, особенно Рига. Это два распропагандированных гнезда; люди отказывались итти в атаку; были случаи возмущения; одного ротного командира подняли на штыки, пришлось принять крутые меры, расстрелять несколько человек, переменить начальствующих лиц» (А. А. Брусилов).

К числу таких проявлений неповиновения начальству, но вместе с тем носящих политический характер, относится декабрьское выступление в районе так называемого Рижского плацдарма 17-го Сибирского стрелкового полка, входящего в состав лучшей по «боевой стойкости» 5-й стрелковой дивизии.

23 декабря 1916 года XII армия начала наступательные действия на фронте Рижского района, с целью расширения плацдарма на левом берегу Двины и развития в дальнейшем операции в направлении на Митаву.

Генералом И. К. Гандуриным 21 декабря был отдан приказ по 2-му Сибирскому корпусу начать 23 декабря Олайской ударной группе (5 и 16 сибирские стрелковые дивизии) наступления и захватить к рассвету 1-ую линию окопов противника.

23 декабря вечером в первом батальоне 17 Сибирского стрелкового полка делались приготовления к выступлению.

«Нижним чинам» были розданы белые халаты на случай, если атаковать придется ночью. Время атаки еще не было объявлено. Командиры батальона и рот были собраны в штаб для получения окончательных распоряжений и приказаний для предстоящего боя. При ротах оставались младшие офицеры.

В это время солдаты всех четырех рот забрали халаты, с винтовками в руках отправились к бараку батальонного командира и заявили, что в наступление не пойдут. Отказ батальона итти в наступление не являлся случайностью, а был связан с предшествовавшей жизнью части, толкавшей солдат на путь активного выступления против войны.

Еще со времени неудачных боев в марте и июле 1916 года, когда полк понес большие потери, в части зародилось глухое недовольство и недоверие как к ближайшему начальству, так и к высшей власти. Необеспеченное материальное положение солдата, неудачные бои, тяжелые работы, тыловые вести о разрухе и непорядках внутри страны создавали благоприятную почву для революционной пропаганды. Близость стоянки полка к Риге, где особенно интенсивно развила агитационную деятельность социал-демократия Латышского края, также сыграла известную роль в этом протесте против войны.

Агитация, по словам официальных документов, «велась очень искусно и скрыто». Некоторые признаки ее проявились в середине декабря в виде

анонимных писем, воззваний и т. д. 19 декабря в полку был найден плакат с призывом не итти в наступление. 21 декабря 9-ая рота отказалась итти в окопы. 22 декабря 1-я рота и рота 4-го батальона отказались от обеда, приготовленного из чечевицы. Агитация стала явной днем 22 декабря, когда из взвода во взвод в 1-ом батальоне стали ходить «отдельные люди и убеждать друг друга не итти в наступление».

В тот же день младший унтер-офицер 13-й роты Васялин, проходя мимо расположения 19-го Сибирского стрелкового полка, обратился к стрелкам, приготовлявшимся к выступлению, со словами: «Не ходи в наступление. Какая вам польза ходить».

23 декабря 1-й батальон выступил с открытым протестом против наступления. В течение ночи командир батальона и командиры рот старались уговорить и убедить солдат «обратиться к исполнению долга», но в ответ из рядов раздавались восклицания: «Обороняться будем, а наступать не пойдем». «Кругом измена явная! посылать людей среди белого дня!» «Будет то же, что в мартовских и июльских боях». «Везде у нас продажное немецкое начальство». «Нас везде грабят, дома семьи голодают, у бедных последнее отбирают, а у богатых все оставляют». «Рига уже продана. Почему до сих пор нет ответственных министров, а то нас на каждом шагу продают». «Почему до сих пор сидят в тылу жандармы, городовые и всякая...?» «Терпеть больше нет сил».

К рассвету командиру 3-й роты удалось убедить солдат подчиниться долгу, и рота эта изъявила готовность итти в бой.

Командир немедленно распорядился эту роту разместить отдельно от остальных рот полка. Другие же роты были отведены к штабу полка, куда в тот же день под вечер приехал командир корпуса генерал Гандурин.

Роты были выстроены, и генерал обратился к «людям» с вопросом, «почему они отказались итти в наступление». Солдаты ответили, что «не пойдут». «Прежде шли и жертвовали собой, но сейчас вокруг измена». «Польша погибла благодаря изменникам, Николай Николаевич тоже ушел, видя измену, кругом измена». На вопрос командира корпуса, неужели они и его считают изменником, послышался ответ: «Нет, а есть повыше; царь едет вперед, а немец рядом. Мы вперед не пойдем, но ни одной пяди не уступим немцу». Командир корпуса, выслушав заявления, приказал «обратить их на работу»: «Вы с сегодняшнего дня будете у меня рабочим батальоном».

24 декабря 1-й батальон был «беспрепятственно разоружен при штабе полка», и генерал Хильченко «приступил к производству дознания». Прежде всего он обошел выстроенные роты и требовал «выдачи зачинщиков и подстрекателей» под угрозой «расстрела каждого пятого человека». Требование это исполнено не было, и тогда генерал начал обходить роты и опрашивать каждого отдельно. Солдаты и офи-

церы, опрошенные при «расследовании», показали, что генерал Хильченко при этом «применял угрозы, ругательства и хватал за горло, пока не добивался ответа». Когда, таким образом, были опрошены все люди, роты были разведены по землянкам, и было приступлено к дознанию. «В помощь» генералу Хильченко было назначено четыре офицера, которые производили опрос и записывали показания. «Общее руководство и наблюдение» принадлежало генералу. Присутствуя при опросах то в одной, то в другой роте, генерал Хильченко, по словам очевидцев (офицеров и солдат), «применял насильственные меры, вынуждая показания угрозами, ругательствами и нанесением побоев». 31 декабря «дознание было закончено». 24 стрелка были преданы военно-полевому суду.

Накануне заседания суда генерал Гандурин, собрав членов полевого суда, сказал речь, которую начал следующими словами: «Я приехал утвердить вас в мысли, что оправдания быть не может». В своей речи командир корпуса указал на «трусливые души» офицеров, входивших в состав полевого суда, оправдавшего унтер-офицера Васялина [1].

24 декабря генерал Гандурин по поводу событий в части произнес речь, в которой, назвав офи-

[1] 23 декабря 1916 года военно-полевой суд при учебном батальоне 5-й Сибирской стрелковой дивизии оправдал Васялина „за недоказанностью на суде предъявленного обвинения“.

церов «изменниками», заявил, что «здесь необходим священник для покаяния».

Генерал закончил свою речь согласием дать «оскорбленным ответ у барьера».

Речь на офицеров произвела гнетущее впечатление: «полковник Рахильский упал в обморок, многие офицеры рыдали».

Затем генерал Гандурин заявил, что он «хватил через край» и берет свои слова обратно; «только любовь к родине заставила меня потерять самообладание».

Суд состоялся 31 декабря. Все 24 стрелка «были признаны виновными в явном восстании и возбуждении других словами и примером к уклонению от боя в районе театра военных действий» и приговорены к смертной казни. 1 января 1917 года приговор был приведен в исполнение.

Кроме «судебного преследования», командующий армией «отрешил от командования полком» полковника Бороздина «по несоответствию»; ротные командиры были переведены младшими офицерами в другие части; унтер-офицеров и ефрейторов разжаловали и перевели в другие роты, а солдаты трех рот (1-й, 2-й и 4-й) были распределены по всем полкам армии.

Одновременно произошел бунт в 55 Сибирском стрелковом полку, в котором солдаты также отказались итти в наступление.

На юго-западном фронте в октябре 1916 года также наблюдались случаи отказа итти в бой. В частях 1 и 34 армейских корпусов солдаты тре-

бовали отмены выдачи чечевицы, прибавки хлеба и сахара и замены негодного обмундирования.

14 декабря 1916 года произошла заминка при выступлении в окопы в 222 Красненском полку, солдаты которого кричали: «На позиции не пойдем, давайте смену». В окопах нередко можно было встретить плакаты и записки с надписями: «Хотим мира». «В наступление не пойдем, но немца к себе не пустим».

Почти всегда эти волнения на фронте совпадали с прибытием пополнений из тыла.

В декабре 1916 года в Одоевский полк прибыла из Гатчины на пополнение маршевая рота (2736 человек), состоящая в значительном большинстве из сибиряков, частью из приисковых рабочих. В первой половине января рота эта вошла в состав Одоевского полка. Тотчас же в полку начались разговоры о том, что 34-й корпус стоит бессменно на позиции, что следует отказаться от дальнейшего несения службы. Говорили также о беспорядках и голоде в тылу. Солдаты друг другу рассказывали, что на просьбу солдатских жен и детей дать им хлеба их расстреливают из пулеметов. В полку часто раздавались возгласы: «Мы здесь проливаем свою кровь, а наши семьи там в тылу страдают».

Все эти разговоры находили сочувственный отклик в солдатской массе, испытавшей все тяготы и невзгоды войны, воздействие тех тяжелых условий, в которых находился полк с октября 1916 года на позиции, расположенной в Пинских

болотах: нездоровый климат, неблагоприятная почва для всех видов работ, — окопных, жилищных, дорожных, — растянутая, беспокойная в оперативном отношении позиция, утомительная служба в необорудованных окопах, отсутствие отдыха в виду большого количества ночных работ во время кратковременного нахождения в резерве, необеспеченные подстилкой, светом и вентиляцией землянки, острый недостаток обуви и теплой одежды, недостаточная и невкусная пища. Неблагоприятные условия эти, более или менее общие всем частям дивизии и корпуса, по случайным причинам, с особенной силой сконцентрировались именно в Одоевском полку. Исключительным явлением, выделявшим Одоевский полк из числа других частей, были громадные потери в солдатском и офицерском составах, в ряде неудачных по результатам боев, что в свою очередь уменьшило численный состав полка и усугубило тяжесть службы. Привезенные вновь прибывшими в часть солдатами сведения подорвали терпение одоевцев, и они громко заговорили о своих нуждах.

Открытое заявление о нуждах совпало с моментом выступления полка в окопы, что представляется вполне естественным, так как каждый раз, выступая в окопы, солдат на долгий срок утрачивал надежду на улучшение своего существования. События сложились неожиданно, развивались стихийно.

За несколько дней до выступления одоевцев были попытки «нижних чинов» 56-й пехотной дивизии, в состав которой входил и Одоевский полк, вести пропаганду против наступления среди артиллеристов.

14 января 1917 года к дежурившему на вышке старшему фейерверкеру 1-й батареи 1-го сибирского тяжелого артиллерийского дивизиона Василию Кусько подошло несколько человек пехотных солдат (у одного из них были погоны 222 Красненского полка) и повели разговор о предполагаемом наступлении. Пехотинцы говорили: «В наступление не пойдем, земля мерзлая, нельзя окопаться; если артиллерия откроет огонь за отказ итти в наступление, то переколем всю прислугу — артиллеристов».

18 января Одоевскому полку предстояло выступить на позицию на смену 224-му Юхновскому полку. Накануне, 17 января, вечером, когда стемнело, в роты приходили солдаты 1-го батальона и уговаривали солдат других батальонов не выступать в окопы. «Не ходите завтра на позицию,— говорили они, — если завтра пойдете, то стрелять будем».

Командующий полком приказал выступить каждому батальону самостоятельно. Собравшийся к шести часам вечера первый батальон построился в резервную колонну. Командир батальона поздоровался с солдатами, спросил, читали ли молитву в ротах, и скомандовал: «головная рота вперед».

Первая рота вытянулась в колонну по отделениям, за ней вторая рота вытянулась наполовину в той же колонне; в это время в лесу, справа и слева, раздался свист, и одновременно с этим из последних рядов 4-й роты раздались крики: «назад», «не пойдем на позицию», «смена», «будем стрелять». Послышалось щелканье затворов. Солдаты 1-й и 2-й рот возвратились сами на прежнее место в резервную колонну. Ротные командиры и младшие офицеры стали уговаривать солдат двинуться вперед и прекратить шум; увещания офицеров были безуспешны.

Позже весь батальон двинулся к месту расположения 2-го батальона; в стороне раздавались одиночные выстрелы вверх. В остальных батальонах солдаты также отказались выступать на позицию. В 9 часов вечера командующий полком, предполагая напомнить солдатам «о воинском долге и присяге», решил выйти к полку со знаменем, знаменным взводом и хором музыки, но при его появлении стоявшие до того в строю батальоны начали расходиться по землянкам, причем часть солдат забрала винтовки с собой. Раздавались взрывы ручных гранат, выстрелы вверх и выкрики: «стой, не ходить», «будем стрелять», «дайте нам свету» (то-есть мира).

Ночью большая часть солдат спала, вокруг блиндажей ходил наряд, выставленный самими солдатами; между ротами, для поддержания связи, по словам командира 1-го батальона, «шныряли

солдаты с винтовками, повидимому, агитаторы».

19 января вечером была сделана попытка вывести по-ротно полк на позицию. Как только 1-я рота вышла строиться, из расположения 2-го батальона были пущены три ракеты, и раздались выстрелы со стороны 4-й роты, 2-го и 4-го батальонов; пули были пущены по лесу, а не вверх. 1-я рота тотчас же бросилась назад в землянки. Обо всем случившемся было доложено начальнику 56-й дивизии генерал-лейтенанту Е. А. Российскому, который решил приступить к аресту «зачинщиков», если к вечеру 20 января полк полностью не выступит на позицию. В тот же день было получено распоряжение об отрешении от должности командира корпуса генерала от инфантерии В. П. Шатилова и начальника дивизии Е. А. Российского. Вновь назначенные командир корпуса П. П. Скоропадский (впоследствии гетман Украины) и начальник дивизии генерал Н. М. Потапов, не считая возможным принять там же, в непосредственной близости от неприятеля «суровые меры» по отношению к неповинующимся, решили развести полк по-батальонно в различные пункты, где часть особо деятельных участников выступления в числе 51 человека была арестована. Главнокомандующий армиями фронта приказал, «не теряя времени, быстро расследовать и решительно, безотлагательно расправиться полевым судом с главными виновниками».

21 января было назначено производство дознания; тогда же в полк были командированы контр-

разведкой 7 солдат «для выяснения агитаторов и размеров ведущейся пропаганды». Миссия солдат, командированных контр-разведкой, была известна только командиру полка; вследствие такой конспиративности удалось собрать контр-разведывательному отделению некоторые данные, касающиеся выступления 18—19 января.

22 января 1917 года был учрежден при 56-й пехотной дивизии военно-полевой суд, который приговорил 8 человек к смертной казни через расстреляние.

Казнь товарищей служила предметом солдатских разговоров в полку. Так, один из рядовых 24 января говорил на поверке вечером: «Зачем вы расстреливали товарищей, с которыми из одного котла ели?»

Другой в разговоре со своим товарищем по роте, сказал: «Сначала надо хорошо кормить, а затем выгонять на работу; следует расстрелять начальство, а затем уже нижних чинов; расстреляли, наверное, невинных, вот наша жизнь какая».

23 января пришел в один из взводов санитар, который громко рассказывал, что «сегодня в 23 ч. будет расстрел, будут расстреливать из 4-й роты и из 6-й, всего 8 человек, ямы уже выкопаны».

На фразу пришедшего во взвод санитара один из рядовых заметил: «Кто это доказал, интересно бы узнать, ну, да потом узнаем».

Отдельные солдатские реплики, зафиксированные в документе, свидетельствуют, что суровые

репрессивные меры, вплоть до смертной казни, примененной военными властями, отнюдь не уничтожили революционного настроения части.

Отказ Одоевского полка сменить на позиции Юхновский полк был квалифицирован военным начальством, как «уклонение от исполнения приказания принять участие в боевых действиях, по каковой статье и были преданы военно-полевому суду двумя группами 30 солдат. Из числа этих солдат, в результате рассмотрения дел военно-полевыми судами и пересмотра их корпусными судами, 8 человек было расстреляно, 19 человек было приговорено к каторжным работам, один к заключению в военной тюрьме и два было оправдано. В дальнейшем были привлечены по тому же делу, но в порядке производства предварительного следствия еще две группы, всего 39 человек, из которых было предано корпусному суду 13 человек. Кроме того, 52 солдата были лишены унтерофицерского звания.

По мере приближения февральских дней политические настроения все чаще проникали в армию. Революционное настроение охватывало даже «отборные» части: солдаты особой пехотной бригады, посланные во Францию, при высадке в Марселе взбунтовались и убили одного из батальонных командиров.

Беглая характеристика жизни армии в годы империалистической войны с совершенной очевидностью свидетельствует, что еще задолго до

февральской революции начался процесс разложения вооруженных сил царской России, со всеми характерными для него явлениями (дезертирство, братание, сдача в плен, враждебное отношение к начальникам, тяга к миру, вооруженные восстания и т. п.), которые получили дальнейшее углубление в послефевральский период нашей истории.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ.

Н. Ленин (В. Ульянов). Собр. сочинений. Том XIII. Мировая война 1914-1916 гг. М.-Л. 1925, 537 стр.

М. Н. Покровский. Империалистическая война. Сборник статей 1915-1927. М. Изд. Коммунистической Академии, 1928, 296 стр.

А. Сидоров. Влияние империалистической войны на экономику России.— Очерки по истории Октябрьской революции. Работы исторического семинария Института красной профессуры. Под общей ред. М. Н. Покровского. Том I. М.-Л. (Истпарт). Гиз. 1927, стр. 3-178.

Б. Граве. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 г.— Февраль 1917 г.— Пролетариат и буржуазия. М.-Л. Гиз. 1926. 414 стр.

А. Шляпников. Канун семнадцатого года. Воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подполье за 1914-1916 гг. Часть I. Изд. 3-е испр. (Истпарт). М. Гос. изд. 221 стр. 1-е изд. 1920 г.

Часть II. Изд. 3-е доп. М. (Истпарт). Гиз. 1924. 180 стр.

К. Сидоров. Рабочее движение в России в годы империалистической войны. Очерки по истории Октябрьской революции. Работы исторического семинария Института красной профессуры. Под общей ред. М. Н. Покровского. Том. I. М.-Л. Гиз. 1927, стр. 179-334.

М. Г. Флеер. Рабочее движение в России в годы империалистической войны. Л. Изд. „Прибой". 1926. 122 стр.

Рабочее движение в годы войны. Подготовил к печати **М. Г. Флеер** (Центрархив). М. „Вопросы труда", 1925. 357.

А. В. Шестаков. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед Октябрем. Л., изд. „Прибой". 1927. 190 стр.

Л. Баевский Партия в годы империалистической войны.— Очерки по истории Октябрьской революции. Работы исторического семинария Института красной профессуры. Под общей ред. Н. М. Покровского. Т. I. М.-Л. (Истпарт). Гиз, 1927, стр. 335-518.

Россия в мировой войне. 1914-1918 гг. (в цифрах М.) (Центральное статистическое управление. Отдел военной статистики). 1925 193 стр.

А. А. Маниковский. Боевое снабжение русской армии в 1914-1918 гг. ч. I-III. 1920-1921.

Э. Б. Генкина. Февральский переворот (Очерки по истории Октябрьской революции. Том II. Л.-М. Гос. изд. (Центр. Истпарт), 1927).

С. Д. Мстиславский. Гибель царизма. Л., изд. „Прибой“. 1927. 134 стр.

В. П. Семенников. Политика Романовых накануне революции. (От Антанты—к Германии). По новым документам. М.-Л. Гиз. 1926. 245 стр.

Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Ред. П. Е. Щеголева. Том I-VII М.-Л. Гиз. 1924-1927.

Монархия перед крушением. 1914-1917 гг. (бумаги Николая II и другие документы). Статьи **В. П. Семенникова.** М.-Л. Гос. изд. 1927 г. 311 стр.

Е. Тарле. Германская ориентация и П. Н. Дурново в 1914 г. „Был.“ XIX (1922), 161-176.

Записка Дурново (1914).—„Кр. Новь“. 1922, VI, 178-199.

Воспоминания **В. А. Сухомлинова.** С предисловием В. Невского. М.-Л. Гос. изд. 1926. 334 стр.

Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем („Красный Архив“, 1922 г. Том I, стр. 209-272. Том II, стр. 130-175, 1923 г. Том III, стр. 29-74).

А. А. Поливанов Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907-1916 гг. Под ред. А. М. Зайончковского. С предисл. М. Павловича. Т. I М. 924-940.

А. А. Брусилов. Мои воспоминания. Посмертное издание. М.-Л. Гос. изд. Отд. военной литературы. 1929. 249 стр.

М. В. Родзянко. Крушение империи. С прим. и пред. С. Пионтковского. Л. Изд. „Прибой.“ 1927. 280 стр.

Н. Р. Письмо Гучкова к ген. Алексееву.—„Пути Рев.“ 1926. II-III, 217-222.

Г. Н. Чемоданов. Последние дни старой армии. Гиз. 1926. 136 стр.

Л. Войтоловский. По следам войны. Походные записки 1914—1917 г.г. Т. I-II. Л. Гиз. 1925-1927.

Дм. Фурманов. Дневник (1914—1915—1916) под ред. Анны Фурмановой. Пред. Г. Зиновьева. М. Л. „Московский рабочий“ 1929, 317 стр.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТ. КРАСН. ПРОФЕССУРЫ №

М. Лемке. 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915—2 июля 1916 г.) П. Гиз. 1920. 859 стр.

В. Б. Станкевич. Воспоминания 1914-1919 г г. Л. Изд. „Прибой". 1926, 194 стр.

А. И. Верховский. Россия на Голгофе. Л. 1918.

Г. Гордон. Немецкая пропаганда на русском фронте. (По личным впечатлениям и подлинным документам).—„Голос Мин." 1918, IV-VI, 331-359.

В. Каррик. Война и революция. Записки 1914-1917 г.г.—„Гол. Мин." 1918, IV-VI.

А. Барт. На фронте артиллерийского снабжения.—„Был." 1925. V (33), 188-219, VI (34), 147-191.

Морис Палеолог. I. Царская Россия во время мировой войны. Перевод с французского. Предисловие М. Павловича. Л. Изд. „Петроград". 1923, 314 стр.

Его же II. Царская Россия накануне революции. Перевод с французского Д. Протопопова и Ф. Ге. Л. Гиз. 1923. 471 стр.

Гофман.—Война упущенных возможностей. М. 1925.

Н. Авдеев. Большевистская работа во флоте и армии накануне февральской революции.—„Прол. Рев."1924. VI (29), 75-94.

Р. Эйдеман и В. Меликов. Армия в 1917 году. Вст. статья **О. Варенцовой** „Старая армия и контрреволюция". М.-Л. Гиз. 1927. 107 стр.

Е. И. Мартынов. Царская армия в февральском перевороте. Л. Изд. Воен. типогр. Управления Наркомвоенмора. 1927. 212 страниц.

М. И. Ахун и В. А. Петров. Большевики и армия в 1905-1917 г.г. Военная организация при Петербургском комитете РСДРП(б) и революционное движение в войсках Петербурга. Л. (Ленинградский Областной Истпарт) Изд. „Красная газета", 1929 г. 348 стр.

М. Ахун и В. Петров. Петроградский гарнизон и северный фронт в годы империалистической войны. (Из истории революционного движения в армии).—„Красн. Лет." 1927, III (24), 154-190.

В. Репин. Военно-социалистический союз. Воспоминания (Томск). „Былое Сибири." II (1923), 25-30 стр.

В. Косарев. Военно-социалистический союз.—„Сиб. Огни", 1922, I, 65-70.

И. Н. Смирнов. Накануне революции. (Из истории „Военного социалистического союза.") „Былое Сибири." II (1923). 1-19.

Революционная пропаганда в армии в 1916-1917 г г. Сооб. **Иос. Гелис.**—„Кр. Арх." 1926, IV (XVII), 36-50.

В. Дзюбинский. Революционное движение в войсках во время мировой войны. „Кр. Арх." IV (1923), 417-424.

Разложение армии в 1917 году. Подготовлено к печати **Н. Е. Какуриным.** Пред. Я. Яковлева. М.-Л. (Центрархив) Гиз. 1925, 191 стр.

Русская армия накануне революции.—„Был." 1918, I (7).

М. Ахун и В. Петров. „Голоса из окопов" (солдатские письма 1915-1916 г г.). „Кр. Лет." 1918, I (25), 112-118.

А. Пирейко. В тылу и на фронте империалистической войны. Воспоминания рядового. Л. (Истпарт). Изд „Прибой". 1926. 63 стр.

В. Дмитриев. Доброволец. Воспоминания о войне и плене. М. Л. ГИЗ. 1929.

Записки солдата **Вавилова.** Обработал **Бродянский** М. Л. Гиз. 1927. 64 стр.

Г. П Федотов-Двинец. Двинцы в пролетарской революции. М.-Л. „Московский рабочий", 1927.

А. Иванов. Волнение в 1916 году в 181-ом зап. пех. полку (из воспоминаний участника). „Кр. Лет." 1924, 1-10, 171-173.

Дневник **Штукатурова** (солдат). Военно-исторический сборник. Труды Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914-1918 г., вып. II. М. 1919. стр. 174-193.

Г. Шидловский. Тов. Раков (очерк жизни и деятельности Александра Семеновича Ракова с приложением воспоминаний А. С. Ракова о гражданской войне 1917 г. в Финляндии, статей и предсмертных писем его и документов о нем). Л. (Л-нгр. Истпарт) изд. „Прибой", 1926 г., 80 стр.

И. Егоров. Матросы-большевики накануне 1917 г. (Из истории партийной организации Балтийского флота). „Кр. Лет." 1926, III (18), 5-29, IV (19), 68-92.

П. Е. Дыбенко. Из недр царского флота к великому октябрю. Из воспоминаний о революции 1917, 7-XI 1927. М. 1-е изд. М. 1919. „Военный вестник", 1928, 238 стр.

П. Е. Дыбенко. Мятежники. Из воспоминаний о революции. М. Изд. „Красн. Новь" 1923, 111 стр.

В. Залежский. Борьба за Балтийский флот. М.-Л. Изд. „Мол. Гвардия", 1925, 166 стр.

Ф. Раскольников. Волнение во флоте в 1915 г.—„Кр. Арх." т. IX (1925) 94-103.

Д. Заславский. Темное дело („Аскольд"). „Был." XXII. (1923), 185-204.

Е. Самойлов. Беспорядки на „Гангуте" в октябре 1915.— „Красный Балтиец". 1921. VIII. 31-36.

М. Кузнецов. Восстание на линкоре „Гангут" в 1915 году.—„Красн. Балтиец". 1921, V, 47-50.

Дело о революционной организации среди матросов на линейном корабле „Император Павел I", „Император Александр II" и „Цесаревич". „Красн. Балтиец" 1920, VI, 51-64.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Издательство Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА за 1929 г.

1. **В. РУДНЕВ.**—Крестьянское движение в начале XX века. Стр. 112, ц.—45 к.
2. **С. АНИСИМОВ.**—Восстание в Донецком бассейне. Стр. 96. ц.—35 к.
3. **А. А. КУНКЛЬ.**—Покушение Соловьева. Стр. 112, ц.—50 к.
4. **М. М. КЛЕВЕНСКИЙ.**—И. А. Худяков, революционер и ученый. Стр. 128, ц.—55 к.
5. **Ш. М. ЛЕВИН.**—Дмитрий Александрович Клеменц. Стр. 128, ц.—60 к.
6. **В. ЕЖОВ.**—(С. Цедербаум).—Петр Анисимович Моисеенко. Стр. 136, ц.—55 к.
7. **С. ЛИВШИЦ.**—Партийные университеты подполья. Стр. 144, ц.—65 к.
8. **В. ЛЕВИЦКИЙ.**—Виктор Обнорский. Стр. 152, ц.—65 к.
9. **В. К. ИКОВ.**—Н. А. Добролюбов. Стр. 96, ц.—35 к.
10. **С. ГЕССЕН.**—Солдатские волнения в XIX веке. Стр. 120, ц.—55 к.
11. **Н. ШАХАНОВ.**—Николай Евграфович Федосеев. Стр. 98, ц.—35 к,
12. **В. СЕЛИВАНОВ.**—Моряки народовольцы. Стр. 160, ц.—65 к.
13. **М. И. АХУН и В. А. ПЕТРОВ.**—Царская армия в годы империалистической войны.
14. **Н. ПЫЖОВ.**—Сорочинское крестьянское восстание в 1905 г. Стр. 176, ц.—70 к.
15. **Б. КОЗЬМИН.**—Казанский заговор.
16. **А. МГЕБРОВ.**—Воспоминание артиллерийского офицера

и другие.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ:

Москва, Г. С. П.—10, Лопухинский пер., д. 5.

ИЗДАТЕЛЬСТВУ ОБ-ВА ПОЛИТКАТОРЖАН.

Дешевая библиотека за 1929 год.

ИЗДАТЕЛЬСТВА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН,

состоящая из 52 номеров, размером каждый в 1 печатный лист.

1—2.	**Ермаков, А.**—Из быта Сахалинской каторги	ц.	28	к.
3.	**Ергина Л.**—С. А. Иванова-Борейшо	„	12	„
4.	**Анисимов, С.**—Крестьяне и помещики на суде	„	10	„
5—7.	**Самсонов, М.**—Коммуны ссыльных	„	28	„
8.	**Ан-ский, С. А.**—На конспиративной квартире	„	20	„
9—10.	**Лужаев, А.**—История одного литейщика	„	24	„
11—12.	**Лурье, Г.**—Два протеста	„	22	„
13.	**Урядов, А.**—Побег	„	12	„
14—15.	**Жуковский-Жук, И.**—Губернатор Кияшко	„	24	„
16—17.	**Дружинина, З.**—Ювеналий Мельников	„	22	„
18.	**Розанов, В.**—Через границу	„	12	„
19.	**Тригони, М.**—Алексеевский равелин	„	15	„
20—21.	**Венедиктов, Д.**—Лисий нос	„	22	„
22.	**Надежин, Г.**—Крещение	„	12	„
23—24.	**Мошинский, И.**—Побег 11 „Искровцев“	„	20	„
25.	**Анисимов, С.**—Бессудная земля	„	15	„
26.	**Хохлов, К.**—Засада	„	15	„
27.	**Илларионов, В.**—Дело было в Сормове	„	12	„
28—29.	**Урядов, А.**—В стане лишенных всех прав человеческих	„	24	„
30—31.	**Смирнов, Н. Е.**—Жердовская бойня	„	24	„
32—33.	**Сушкин, Г. Г.**—По этапам	„	20	„
34.	**Плесков, В.**—Конфузный случай	„	10	„
35—36.	**Чемоданов, Г. Н.**—Тюремщик Высоцкий	„	20	„
37.	**Васильев, Н.**—Подкоп под Тамбовскую тюрьму	„	10	„
38—39.	**Кункль, А. А**—С. Г. Нечаев	„	20	„
40—41.	**Мошинский, И. Н.**—На Темернике	„	20	„
42—43.	**Сибиряков, С.**—Месть офицера	„	15	„
44—45.	**Анисимов, С.**—Драма на этапе (печат.)	„		
46—47.	**Добржинский, Г.**—Бабушка Варя	„		
48.	**Анисимов, С.**—Не судебная ошибка, а черная неправда (печат.)			

и другие.

Цена комплекта 5 руб.

ЗАКАЗЫ, ЗАПРОСЫ И ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ:

Москва, ГСП—10, Лопухинский, д. 5, Издательству Политкаторжан.

Издательство Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев

К юбилею пятидесятилетия партии „НАРОДНАЯ ВОЛЯ“

ПЕЧАТАЮТСЯ

и в ближайшее время выходят в свет

„НАРОДНАЯ ВОЛЯ“ в документах и воспоминаниях

Под редакцией:

А. В. Якимовой-Диковской, Ф. М. Фроленко, И. И. Попова, Н. И. Ракитникова и В. В. Леоновича-Ангарского.

Содержание: 1) Возникновение партии „Народная Воля“, 2) Программа и тактика партии „Народная Воля“, 3) Террористическая борьба „Народной Воли“, 4) Организация партии „Народная Воля“, 5) „Народная Воля“ и крестьянство, 6) „Народная Воля“ и рабочие, 7) „Народная Воля“ и войско, 8) „Народная Воля“ и молодежь, 9) „Народная Воля“ и национальный вопрос, 10) Письма и завещания, 11) Календарь. **Стр. 288. Цена 2 р. 50 к.**

„НАРОДНАЯ ВОЛЯ“ перед царским судом

Под редакцией

А. В. Якимовой-Диковской, М. Ф. Фроленко, И. И. Попова, Н. И. Ракитникова, В. В. Леоновича-Ангарского.

Содержание: А. Якимова—1) К процессам первых народовольцев, 2) Процесс шестнадцати террористов—первый народовольческий процесс, 3) Дело 1 марта 1881 года, Процесс Желябова, Перовской и других, 4) Процесс двадцати народовольцев. А. В. Прибылев—1) Процесс семнадцати, 2) Процесс 14 народовольцев в 1894 году. **Стр. 160. Цена 1 р. 75 к.**

Заказы, запросы и деньги направлять

Издательству Политкаторжан, Москва, ГСП, 10. Лопухинский пер. д. 5.

Телефон 3-64-73.

Издательство Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев.

К пятидесятилетию партии „Народная Воля“ выходит серия брощюр биографии народовольцев.

1. **М. Ф. ФРОЛЕНКО**—Михаил Юльевич Ашенбреннер.
2. **Е. И. ЯКОВЕНКО**—Петр Абрамович Теллалов.
3. **Н. М. ДРУЖИНИН**—Анна Васильевна Якимова.
4. **А. В. ПРИБЫЛЕВ** — Александр Викентьевич Буцевич.
5. **А. В. ПРИБЫЛЕВ** — И. В. Калюжный, М. В. Калюжная и Н. С. Смирницкая.
6. **А. В. ЯКИМОВА**—Григорий Прокофьевич Исаев.
7. **И. И. МАЙНОВ.** — Степан Григорьевич Ширяев.
8. **Г. Ф. ЧЕРНАВСКАЯ**—Мария Николаевна Оловенникова.
9. **М. И. СИДОРОВ.**—Лев Николаевич Гартман.
10. **В. Н. ФИГНЕР.**—Александр Дмитриевич Михайлов.
11. **Р. М. КАНТОР.**—Геся Мееровна Гельфман.
12. **В. Н. ФИГНЕР.**—Николай Александрович Морозов.

В каждой брошюре помещен портрет; стоимость каждой брошюры от 10 до 20 коп.

ЗАПРОСЫ, ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ:

Москва ГСП—10, Лопухинский пер., д. 5.

Тел. 3-64-73.

Цена 60 коп.

8825

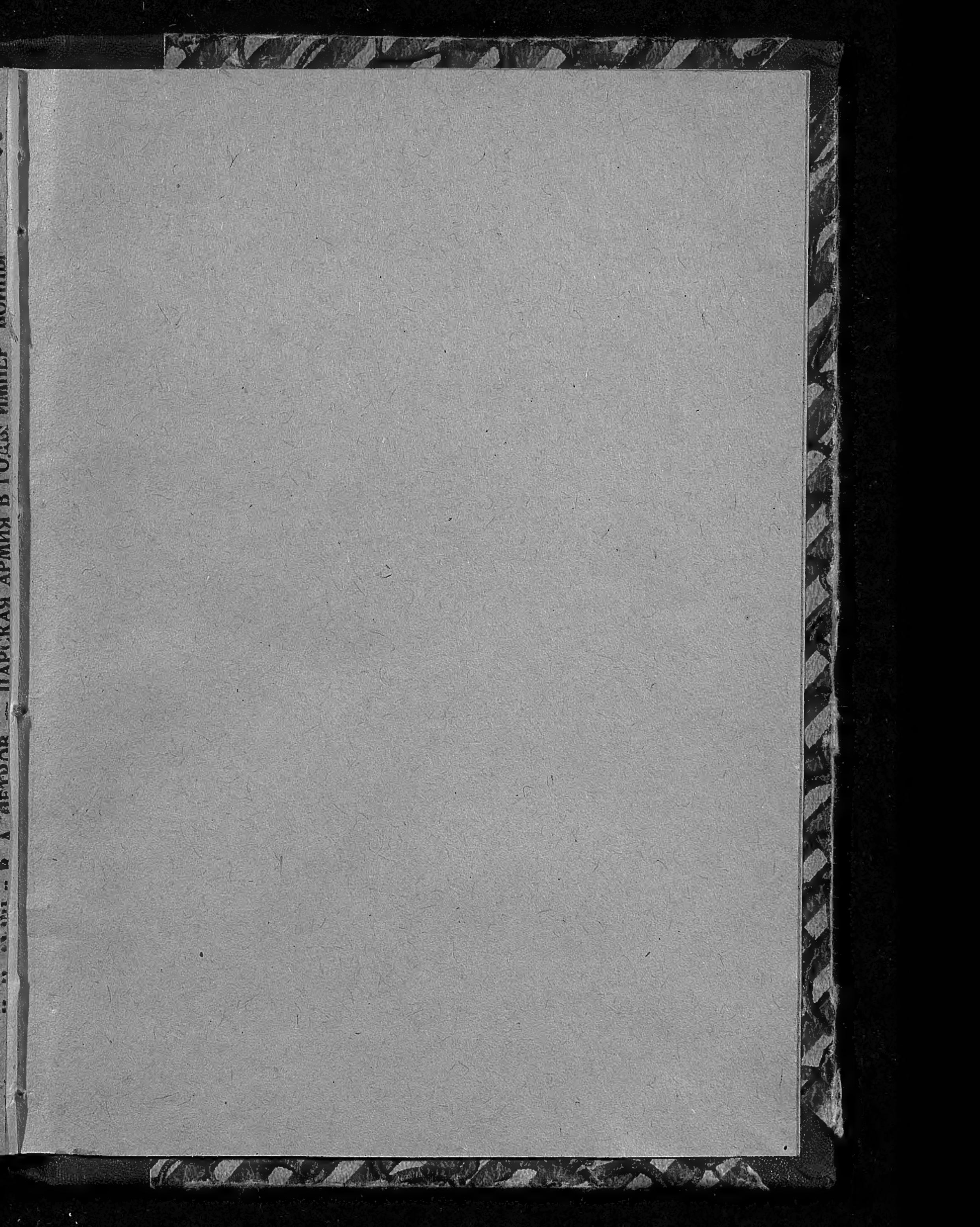

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

1) Правлению Издательства Политкаторжан — Москва, Г. С. П. - 10, Лопухинский пер., 5; тел. 3-64-73.

2) Магазину Издательства Политкаторжан „МАЯК“ — Москва-центр, Петровка, 7; тел. 4-18-12 и 3-63-20.

ЦАРСКАЯ АРМИЯ В ГОДЫ ИМПЕР. ВОЙНЫ

СКАНИРОВАНИЕ
ЭДД

ордер 382, обл.
22.02.07
ордер 479, с.1, 5-17
2.03.07

